женіе и бойкотъ и будетъ всѣми силами способствовать возстановленію полнаго спокойствія въ Индіи, при условіи, что реформы не заставятъ ждать населеніе Индіи. На этомъ было закончено первое засѣданіе индійскаго національнаго конгресса въ Мадрасѣ.

Что дѣлать съ новометодными мактабами?

На этотъ серьезный вопросъ рѣшительный отвѣтъ должно дать министерство народнаго просвѣщенія, а пока и мѣстная администрація не можетъ совершенно игнорировать столь важнаго въ духовной жизни туземнаго населенія явленія-факта. Нѣтъ основаній закрывать глаза на дѣйствительность и притомъ въ такой области, какъ народное образованіе: фактъ открытія въ разныхъ мѣстностяхъ нашего края новометодныхъ мактабовъ, рядомъ съ правительственными русско-туземными школами на лицо; нельзя болѣе замалчивать, нельзя игнорировать его... Наоборотъ, надо считаться съ этими **новыми** школами, которыя возникли нежданно-негаданно для насъ и, очевидно, находятся въ непосредственной связи съ потребностями жизни самого населенія; если-бы не было потребности въ этихъ особыхъ школахъ, онѣ не появлялись-бы, или, что еще вѣрнѣе, замирали-бы тотчасъ послѣ своего появленія на свѣтъ. Но очевидно, что дѣло обстоитъ иначе. Продолжительное игнорированіе русскою администраціею древнихъ туземныхъ школъ, оправдываемое для перваго десятилѣтія нашего управленія краемъ, никакъ и ничѣмъ не можетъ быть оправдано въ послѣдующія три десятилѣтія... И вотъ мы дождались сюрприза по истинѣ удивительнаго и укоризненнаго: пока мы собирались что-то сдѣлать въ области просвѣщенія туземной массы и съ большимъ трудомъ открыли нѣсколько русско туземныхъ школъ, къ слову сказать, не вездѣ привившихся къ мѣстной почвѣ, въ это время подготовлялось другое, болѣе энергичное движеніе, хотя занесенное извнѣ (изъ Крыма), въ пользу того-же народнаго образованія, но подъ другимъ флагомъ и при явной сепаратной тенденціи—стать и существовать самостоятельно, независимо отъ правительственной администраціи... Эти новометодныя школы постепенно возникали втихомолку, безъ вѣдома администраціи, и, что особенно странно и недопустимо, продолжаютъ оставаться внѣ всякаго даже внѣшняго надзора какъ со стороны областной и уѣздной администраціи, такъ и со стороны правительственной школьной инспекціи. Исключеніе составляетъ только Самаркандскій мактабъ, завѣдуемый Бегбутъ Ходжаевымъ. Да и это исключеніе исключительное, въ томъ смыслѣ, что на эту школу было обращено вниманіе со стороны. Между тѣмъ въ Ташкентѣ продолжаетъ оставаться внѣ всякой подчиненности такой-же «независимый» мактабъ, несмотря на то, что существованіе его было фактически удостовѣрено правительственнымъ инспекторомъ.

Число такихъ «независимыхъ» мактабовъ въ разныхъ мѣстахъ Туркестанскаго края въ настоящее время должно быть значительно, а организація ихъ значительно сложнѣе и серьезнѣе, чѣмъ въ правительственныхъ русско-туземныхъ школахъ, и потому едва-ли можно относиться къ этимъ **новымъ** школамъ съ пренебреженіемъ, въ ошибочномъ предположеніи, что онѣ, какъ и древніе старометодные мактабы, значенія въ туземной жизни не имѣютъ и что поэтому обращать на нихъ вниманія не стоитъ. Если современная областная администрація продолжаетъ такъ думать, то ошибается, какъ ошиблись и первые русскіе администраторы края, отклонившіе отъ себя вообще надзоръ за туземными школа

ми. Истекшій 40 лѣтній періодъ показалъ, что «безнадзорность» не только не ослабила значенія туземныхъ школъ въ жизни туземцевъ, но создала благопріятныя условія для возникновенія совершенно новыхъ школъ и реорганизаціи старыхъ.

Такъ было въ Крыму*). То же дѣлается и у насъ въ Туркестанѣ.

Поэтому въ настоящее время не спорить нужно о томъ, слѣдуетъ или не слѣдуетъ подчинить всѣ вообще туземныя школы правительственному надзору, а возбудить предъ министерствомъ народнаго просвѣщенія настоятельное ходатайство объ усиленіи личнаго состава инспекціи народныхъ училищъ въ краѣ, что можетъ казаться вполнѣ благовременнымъ въ виду обсуждавшагося въ Государственной Думѣ вопроса о всеобщемъ обученіи. Въ подтвержденіе настоящей своей мысли сообщаемъ для свѣдѣнія мѣстной областной и уѣздной администраціи, а равно и правительственной училищной инспекціи о слѣдующемъ знаменательномъ фактѣ.

Въ Крыму давно уже существуютъ новометодные мактабы, на которые, какъ и у насъ, въ Туркестанѣ, до послѣдняго времени не обращалось вниманія мѣстной администраціей и только мѣсяца два назадъ училищная инспекція Таврической губерніи замѣтила эти школы, не находившіяся ни въ чьемъ вѣдѣніи. Мѣстный директоръ народныхъ училищъ предложилъ тогда или сократить программу этихъ школъ, согласно правилъ 1907 года, или перечислиться въ вѣдѣніе Таврическаго духовнаго мусульманскаго правленія, или-же приготовиться къ закрытію. Въ виду этого 29 ноября были приглашены въ Симферополь представители мусульманскихъ благотворительныхъ обществъ и свѣдущія мусульмане на совѣщаніе относительно программы названныхъ школъ. 5 декабря, въ Симферополѣ состоялось, подъ предсѣдательствомъ начальника губерніи, совѣщаніе по этому вопросу, въ присутствіи попечителя Одесскаго училищнаго округа, директора народныхъ училищъ, губернскаго предводителя дворянства, предсѣдателя губернской земской управы, губернскаго гласнаго и нѣсколькихъ другихъ видныхъ по положенію лицъ, русскихъ и мусульманъ. Въ числѣ послѣднихъ былъ Н. Гаспринскій, какъ иниціаторъ учебной реформы въ мусульманскихъ школахъ. Начальникъ губерніи и попечитель учебнаго округа, признавая существованіе упомянутыхъ школъ незаконнымъ, въ то-же время высказали сочувствіе къ стремленію мусульманскаго общества улучшить школьное дѣло мусульманъ. Гаспринскій заявилъ, что въ этомъ дѣлѣ нѣтъ какой либо политической тенденціи, что народъ самъ своею самодѣятельностью ищетъ свѣта, стремится къ реформѣ своихъ архаическихъ мактабовъ, и мы обязаны помочь ему въ этомъ стремленіи. При этомъ было доложено въ видѣ справки, что на открытіи Симферопольской школы присутствовалъ и. д. таврическаго губернатора, и. д. директора училищъ и другія

---

*) Въ № 79 извѣстной газеты *Терджимень* отъ 12 декабря 1908 года читаемъ: „мусульманскія общины не только Крыма, но и всѣхъ другихъ областей Россіи, успѣли собственными силами преобразовать многіе изъ своихъ конфессіональныхъ мактабовъ въ „мактабы новометодные" съ звуковымъ методомъ преподаванія. Эта назрѣвшая потребность и дѣло народной жизни вызвали другую не менѣе жгучую потребность въ болѣе или менѣе подготовленныхъ учителяхъ (мугаллимахъ) для реформируемыхъ конфессіональныхъ мактабовъ (начальныхъ школъ). Въ удовлетвореніе этой потребности, т. е. для подготовленія сколько-нибудь развитыхъ преподавателей, были учреждены мактаба съ расширенной программой"... Всѣ эти мактабы открыты мусульманскими благотворительными обществами явочнымъ порядкомъ и не составляли тайны. Программа этихъ школъ, въ зависимости отъ средствъ благотворительныхъ обществъ, не одинаковая, но довольно широкая, не исключая естествовѣдѣнія, гигіены и педагогіи, при пятилѣтнемъ курсѣ обученія, т. е. обширнѣе курса русскихъ учительскихъ семинарій, имѣющихъ только 4-лѣтній курсъ.

лица. Бахчисарайскій городской голова и предсѣдатель благотворительнаго общества Крымтаевъ заявилъ, что правила 1907 года не пріемлемы съ точки зрѣнія языка преподаванія. Директоръ училищъ указалъ на то, что въ этихъ новыхъ школахъ встрѣчаются книги константинопольскаго изданія, но Мурза Улановъ объяснилъ это неизбѣжною необходимостью по неимѣнію мѣстныхъ учебниковъ.

Послѣ разговоровъ о языкѣ учебниковъ и руководствъ, на которомъ должно вести преподаваніе въ новыхъ школахъ, начальникъ губерніи сообщилъ, что ему стало извѣстно о существованіи сотенъ незаконныхъ мактабовъ*), на что Гаспринскій высказалъ, что въ Крыму находится до 500 мужскихъ и до 300 женскихъ мактабовъ древняго типа, которые всѣ должны находиться въ вѣдѣніи Таврическаго духовнаго мусульманскаго правленія, а это послѣднее, въ свою очередь, подвѣдомо губернатору, и что поэтому не виноватъ народъ, если мусульманское духовное правленіе не знаетъ числа подвѣдомыхъ ему школъ... Начальникъ губерніи обратилъ вниманіе на это заявленіе и обѣщалъ воздѣйствовать на мусульманское правленіе.

Въ отношеніи-же новометодныхъ школъ попечитель учебнаго округа и начальникъ губерніи обѣщали возбудить ходатайство о принятіи ихъ въ вѣдѣніе дирекціи народныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія, и послѣднимъ срокомъ ихъ нелегальнаго существованія назначили 1 февраля 1909 года, далѣе котораго такое положеніе дѣла оставаться не можетъ. До 1 февраля всѣ новометодныя школы обязаны войти съ ходатайствами или въ дирекцію народныхъ училищъ о принятіи ихъ въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія на общихъ министерскихъ основаніяхъ, или-же превратиться въ обыкновенные конфессіональные мактабы и подчиниться вѣдѣнію мусульманскаго духовнаго правленія.

Такъ разрѣшаютъ въ Крыму вопросъ о новометодныхъ мусульманскихъ школахъ. Такое извѣстіе для Туркестанскаго края имѣетъ особенное значеніе, такъ какъ въ немъ нѣтъ и духовнаго мусульманскаго правленія, отчего вопросъ о новометодныхъ мактабахъ въ нашемъ краѣ осложняется. Но одно остается несомнѣннымъ, что эти школы признаны губернскою и учебною администраціей Крыма «незаконными» и должны быть подчинены какому-нибудь опредѣленному административному надзору; никакія школы въ государствѣ тайно существовать не могутъ.

Н. Остроумовъ.

*) И въ Туркестанскомъ краѣ такихъ „незаконныхъ“ мусульманскихъ школъ найдутся десятки, такъ какъ онѣ появляются во всѣхъ пяти областяхъ.

Н. О.

Къ событіямъ въ Персіи.

Исполнилось уже полгода послѣ разгрома меджлиса. Вопреки торжественнымъ обѣщаніямъ шаха, даннымъ Россіи, Англіи и народу, новый меджлисъ не созванъ, ни одна реформа не проведена, ни одинъ министръ, способный провести реформы, не назначенъ. Газеты, книги, собранія воспрещены; во главѣ правительства остаются министры, враждебные реформамъ. Лучшіе дѣятели изгнаны. Персы безсильны бороться собственными средствами съ разгорающейся реакціей; въ отчаяніи, они садятся въ бестъ, ищутъ заступничества и вмѣшательства иностранныхъ миссій. Шестимѣсячныя соединенныя усилія Россіи и Англіи добиться возстановленія конституціи разбиваются противодѣйствіемъ кучки придворныхъ, отстаивающихъ прежній произволъ въ личныхъ цѣляхъ. Армія и чиновники уже два года какъ не получаютъ содержанія, жалованье уплачивается солдатамъ старыми ружьями, на безцѣнокъ распродающимися на база-

сти ихъ у насъ, необходимо изучить постройку ихъ и помнить, что при оптовой продажѣ въ Индіи эти шлемы обходятся по 90 коп. за штуку. Нужно имѣть въ виду, что для Туркестана былъ бы вполнѣ пригоденъ пробковый шлемъ даже французскаго образца (пробковый слой немного тоньше), каковые обходились-бы по 60 коп. Наконецъ, для развитія этого дѣла у насъ, въ Туркестанѣ, къ постройкѣ такихъ шлемовъ можно было-бы привлечь подростковъ - туземцевъ, какъ это дѣлается въ Индіи, и этимъ была-бы достигнута дешевизна головного убора. Вѣдь «безъ ума перенимать, и Боже сохрани, какъ худо», ну а въ этомъ случаѣ надо полагать, что русско-японская война чему-нибудь насъ и научила.

Между двухъ огней.

(*По англійскимъ источникамъ*).

Совершенно нежданно негаданно англо-индійское правительство въ тотъ моментъ, когда, наобѣщавъ массу реформъ индусамъ, праздновало свою побѣду, въ этотъ именно моментъ оно оказалось снова въ критическомъ положеніи. Мусульмане, которые все время стояли на сторонѣ англо индійскаго правительства и тѣмъ умѣряли движеніе индусовъ, властно потребовали и себѣ реформъ. Неожидавшее ничего подобнаго правительство пришло въ смущеніе, обѣщая не проводить реформъ для индусовъ, пока не выработаютъ таковыхъ же для мусульманъ. Мысль, что 60 милліоновъ населенія могутъ отказаться отъ поддержки англичанъ въ Индіи, привела правительство въ ужасъ. Надо помнить, что если горсточка англичанъ и владѣетъ 300-милліоннымъ населеніемъ Индіи, то только благодаря той розни, которая существуетъ между индусами и мусульманами. Стоитъ только 60 милліонной массѣ мусульманъ пойти противъ правительства или даже держать нейтралитетъ въ его борьбѣ съ индусами, какъ горсточка англичанъ была-бы стерта съ лица земли. Немудрено поэтому, что выступленіе мусульманъ противъ англо индійскаго правительства привело послѣднее въ трепетъ. Съ другой стороны, отложивъ проведеніе реформъ для индусовъ, англо индійское правительство снова рискуетъ переполнить чашу терпѣнія послѣднихъ, заставить ихъ извѣриться въ обѣщанія, а тогда на сцену снова явится анархія, бомбы, револьверы, которые навели за послѣднее время громадную панику на англичанъ Индіи. До выступленія мусульманъ съ своими требованіями англо-индійское правительство совершенно искренно обѣщало индусамъ и хотѣло провести въ жизнь реформы, чѣмъ и избавиться отъ своихъ опасеній. Въ дѣйствительности послѣднее по вышеуказанной причинѣ не удалось и теперь англо индійскіе органы печати съ горечью отмѣчаютъ это на столбцахъ своихъ газетъ, увѣряя, что англо-индійское правительство оказалось между двухъ огней, одинаково дѣлающихъ ей больно.

Открытый вопросъ.

Съ половины прошлаго 1908 года въ *Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ* начали появляться статьи Н. Остроумова, трактующія о мусульманскомъ образованіи и о наблюденіи за туркестанскими мусульманскими школами. Въ общемъ авторъ проводитъ ту мысль, что дѣло это стоитъ здѣсь неправильно, что наблюденіе за этими школами недостаточно, что школы эти пользуются такой автономіей, какая не допускается для инородческой школы ни въ одномъ образованномъ государствѣ, что въ школахъ этихъ до сего времени не обучаютъ дѣтей ни русскому языку, ни русской исторіи и географіи и т. д. И основную причину такого крайне ненормальнаго, по его мнѣнію, положенія дѣла онъ видитъ, главнымъ образомъ, въ

недостаточномъ вниманіи къ нимъ со стороны русской административной власти, въ недостаточномъ надзорѣ и наблюденіи за этими школами.

Послѣдняя его статья такого-же характера помѣщена въ № 1 *Туркестанскихъ Вѣдомостей* за текущій годъ, подъ заглавіемъ «Что дѣлать съ новометодными мактабами?» И здѣсь авторъ, какъ и въ предшествующихъ своихъ статьяхъ, лишь ставитъ этотъ вопросъ, высказываетъ свои сѣтованія по поводу того, что ему, будто-бы, удѣляется недостаточно вниманія, что онъ даже «замалчивается» кѣмъ то, но самъ не даетъ на него никакого опредѣленнаго отвѣта.

Такія заявленія со стороны лица, близко стоявшаго къ дѣлу народнаго образованія въ Туркестанскомъ краѣ съ самаго начала дѣятельности въ немъ учебной администраціи, на людей новыхъ и недостаточно ознакомленныхъ съ дѣйствительной постановкой этого дѣла могутъ произвести совершенно ложное впечатлѣніе и внушить имъ мысль, что въ дѣйствительности дѣло инородческаго образованія здѣсь совершенно игнорируется, и оно приняло неправильное и вредное направленіе. Поэтому въ цѣляхъ выясненія истины и болѣе объективнаго взгляда на это дѣло, несмотря на полную свою антипатію ко всякой полемикѣ, я считаю своимъ долгомъ сказать нѣсколько словъ по поводу этихъ статей.

Вопросъ объ отношеніи русской административной власти къ мусульманскимъ конфессіональнымъ школамъ, каковы всѣ наши мадраса и мактабы, издавна составлялъ предметъ особаго вниманія русскаго правительства и неоднократно обсуждался какъ въ мѣстныхъ, такъ и въ министерскихъ комиссіяхъ. Подробныя свѣдѣнія по этому вопросу были изложены мною въ статьѣ «Краткая историческая записка объ устройствѣ инородческаго образованія въ Туркестанскомъ краѣ» и въ статьѣ «Къ вопросу объ инородческомъ образованіи въ Россіи», напечатанныхъ въ *Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ* за 1908 годъ, а потому я не буду повторять ихъ. Общеустановившійся взглядъ на нихъ тотъ, что заведенія эти имѣютъ прежде всего религіозное значеніе, а потому не подлежатъ воздѣйствію на нихъ учебной администраціи въ смыслѣ ихъ направленія, развитія и усовершенствованія. Поэтому до настоящаго времени не издано въ отношеніи ихъ какихъ-либо опредѣленныхъ правилъ и требованій, и не опредѣлялись какими-либо правилами ни программы ихъ, ни методы обученія, ни образовательный цензъ учащихъ въ нихъ. Единственно, что требовалось въ отношеніи ихъ со стороны русской административной власти,—это внѣшній надзоръ за ними, наблюденіе за непроникновеніемъ чрезъ посредство ихъ въ мусульманскую среду антигосударственныхъ ученій и сепаративныхъ стремленій и недопущеніемъ въ сферѣ ихъ дѣятельности поступковъ, караемыхъ общими законами и противныхъ общественной нравственности. Такія отношенія къ этимъ школамъ установились не только здѣсь, въ Туркестанскомъ краѣ, но и въ тѣхъ областяхъ Имперіи, въ которыхъ мусульмане приняты въ русское подданство уже нѣсколько столѣтій назадъ, каковы поволжскія губерніи, Крымъ и Кавказъ.

Высказываемое авторомъ указанныхъ статей пожеланіе ввести въ курсъ обученія мусульманскихъ школъ русскій языкъ, исторію и географію не представляетъ чего-либо новаго,—это есть pium desiderium всѣхъ русскихъ государственныхъ людей, но вопросъ, какъ осуществить на дѣлѣ это священное пожеланіе, остается открытымъ до настоящаго времени, и авторъ въ своихъ статьяхъ не даетъ никакихъ указаній на способы разрѣшенія этой государственной проблемы; сѣтованія-же его и намеки на то, что, будто-бы, мѣстная администрація игнорируетъ этотъ вопросъ и не дѣлаетъ того, что нужно для благопріятнаго разрѣше-

нія его, только еще болѣе затемняютъ его. Вѣдь ясно для каждаго, а тѣмъ болѣе для автора указанныхъ статей, что въ такомъ важномъ и отвѣтственномъ дѣлѣ администрація края не можетъ взять на свой рискъ разрѣшеніе этого общегосударственнаго вопроса и по своей ини-

ціативѣ нарушить издавна установившійся общегосударственный принципъ невмѣшательства въ духовную жизнь русскихъ мусульманъ и въ тѣсно связанныя съ ихъ религіей конфессіональныя школы, по своему усмотрѣнію реформировать ихъ, опредѣлять для нихъ программы и курсы, вводить въ нихъ новые предметы обученія и тому подобное. А какимъ инымъ путемъ возможно, по мнѣнію автора, ввести въ нихъ преподаваніе русскаго языка и отечествовѣдѣнія, отсутствіе которыхъ, по его заявленію, не позволительно съ государственной точки зрѣнія и не должно быть допускаемо мѣстной администраціей?

Мѣстная администрація не только никогда не игнорировала этого вопроса, но, напротивъ, всегда относилась къ нему съ полнымъ вниманіемъ. Первый устроитель края, К. П. фонъ-Кауфманъ, твердо рѣшивши устранить всякія попытки къ насильственному разрушенію внутренняго уклада жизни мѣстныхъ мусульманъ, оставилъ ихъ религію и школы въ полной неприкосновенности, и это было не игнорированіе, не недосмотръ въ его дѣятельности, но весьма мудрая политика, получившая свое оправданіе какъ во всей послѣдующей жизни края, такъ и въ послѣднихъ законодательныхъ актахъ, имѣющихъ общегосударственное значеніе. [Въ заботахъ о правильной постановкѣ именно инородческаго образованія была открыта въ городѣ Ташкентѣ учительская семинарія; были дѣлаемы неоднократныя попытки внести какой либо прогрессъ въ жизнь мѣстныхъ мусульманскихъ школъ путемъ совѣтовъ и увѣщаній; затѣмъ найдено было болѣе полезнымъ отказаться отъ этихъ попытокъ и создать особый типъ такъ называемыхъ русско - туземныхъ школъ, въ которыхъ дѣти мѣстныхъ жителей могли - бы получать болѣе правильное начальное образованіе. Въ 1898 году была сдѣлана новая попытка упорядочить и урегулировать жизнь мѣстныхъ мусульманскихъ школъ и была создана для нихъ особая инспекція народныхъ училищъ, но эта попытка также не имѣла успѣха. Въ 1898 году, подъ предсѣдательствомъ извѣстнаго знатока края, впослѣдствіи Генералъ Губернатора, Иванова, была составлена особая комиссія для обсужденія вопроса о мусульманскихъ школахъ и отношеніяхъ къ нимъ русской администраціи, которая высказала, что въ этомъ дѣлѣ необходимо ограничиться лишь внѣшнимъ административнымъ надзоромъ за ними. Къ тѣмъ-же почти выводамъ пришла и другая комиссія по этому вопросу, организованная въ 1905 году, съ заключеніями которой согласились Генералъ-Губернаторы Тевяшевъ и Гродековъ, а также г. военный министръ. Подобный взглядъ на дѣло высказалъ и мѣстный попечительскій комитетъ, при обсужденіи правилъ объ инородческомъ образованіи 1906 года, и взглядъ этотъ сознательно и послѣдовательно проходитъ черезъ весь рядъ лѣтъ управленія краемъ русской властью. И самъ авторъ указанныхъ статей, насколько намъ извѣстно, всегда раздѣлялъ этотъ общій взглядъ на отношенія къ мѣстной мусульманской школѣ, и мы крайне недоумѣваемъ, когда-же онъ ошибался въ этомъ вопросѣ: тогда - ли, когда принималъ участіе въ устройствѣ учебной части въ краѣ при Кауфманѣ, личность котораго, какъ замѣчательнаго администратора и широкообразованнаго человѣка, онъ обрисовалъ въ своихъ воспоминаніяхъ о немъ, или теперь, когда онъ обвиняетъ того-же Кауфмана въ допущеніи громадной принципіальной ошибки въ отношеніяхъ рус-

ской власти къ мѣстнымъ инородцамъ? Тогда-ли, когда онъ подписывалъ протоколы комиссій 1898 и 1905 г г. и протоколъ попечительскаго комитета въ 1907 г., или теперь ошибается, требуя насильственной ломки и вмѣшательства въ жизнь мѣстныхъ конфессіональныхъ мусульманскихъ школъ и обязательнаго введенія въ нихъ русскаго языка и отечествовѣдѣнія?

Ограничиваясь этими замѣчаніями относительно статей г. Н. О., помѣщенныхъ въ прошломъ году и касающихся мѣстныхъ конфессіональныхъ мусульманскихъ школъ, я остановлюсь нѣсколько подробнѣе на послѣдней его статьѣ (№ 1 1909 г.) подъ заглавіемъ «Что дѣлать съ новометодными мактбами?» Въ первыхъ-же строкахъ своей статьи авторъ указываетъ, что на этотъ серьезный вопросъ отвѣтъ должно дать министерство народнаго просвѣщенія. Казалось бы, послѣ такого заявленія и говорить больше нечего; разъ этотъ вопросъ имѣетъ общегосударственное значеніе и превышаетъ компетенцію мѣстныхъ административныхъ органовъ и учрежденій, то какія мѣропріятія могутъ предпринять послѣдніе для его разрѣшенія? Однако, въ довольно обширной статьѣ авторъ говоритъ по этому вопросу много и пространно, хотя, въ концѣ концовъ, ни на волосъ не подвигается къ разрѣшенію его. Прежде всего онъ предлагаетъ «не закрывать глаза на дѣйствительность», «не замалчивать» и «не игнорировать» факта открытія въ краѣ новометодныхъ мактабовъ. Да кто-же замалчиваетъ и игнорируетъ этотъ фактъ? Авторъ настолько опытенъ въ русскомъ языкѣ, что, очевидно, не безъ умысла употребилъ слово «замалчиваетъ», выражающее собою не простой недосмотръ, но намѣренное скрываніе факта. Кого-же онъ обвиняетъ въ такомъ важномъ государственномъ преступленіи и какія данныя онъ имѣетъ для такого тяжкаго обвиненія? Основаній для этого онъ никакихъ не приводитъ, а мнѣ извѣстенъ слѣдующій фактъ: какъ только въ мѣстныхъ газетахъ появилась замѣтка о существующемъ въ городѣ Ташкентѣ новометодномъ мактабѣ, директоръ народныхъ училищъ немедленно собралъ о немъ свѣдѣнія и сдѣлалъ соотвѣтствующее представленіе по начальству, прося его указаній, какое отношеніе должно имѣть учебное начальство къ этимъ новымъ въ краѣ школамъ. Автору статьи также хорошо извѣстенъ этотъ фактъ, и совершенно непонятно, почему онъ его замалчиваетъ. Относительно Самарканда онъ самъ говоритъ, что такой мактабъ былъ открытъ тамъ съ разрѣшенія мѣстнаго инспектора училищъ,—значитъ, и послѣдній не скрывалъ существованія его. Кто же замалчиваетъ эти факты? Быть можетъ, самъ авторъ имѣетъ какія либо свѣдѣнія о существованіи такихъ мактабовъ и не говоритъ о нихъ,

—въ такомъ случаѣ, кто-же въ дѣйствительности скрываетъ ихъ? Я лично думаю, что и надобности нѣтъ никакой въ такомъ замалчиваніи или сокрытіи не только для чиновъ русской администраціи, но и для самого населенія и даже для учредителей этихъ мактабовъ, такъ какъ въ существованіи ихъ не нахожу ничего вловреднаго, слѣдуетъ только выработать опредѣленныя правила для ихъ открытія и для наблюденія за ними, утвердить ихъ и подчинить новыя школы дѣйствію этихъ правилъ, о чемъ и оповѣстить для свѣдѣнія населенія.

Такой путь разрѣшенія этого вопроса и былъ намѣченъ и предпринятъ директоромъ народныхъ училищъ немедленно, какъ только онъ узналъ о существованіи такихъ школъ въ области. Скажу болѣе: вопросъ о новометодныхъ мактабахъ и о возможности ихъ появленія въ Туркестанскомъ краѣ предусматривался еще въ 1907 году, когда здѣсь не было ни одного такого мактаба, и на засѣданіи комиссіи при министерствѣ народнаго просвѣщенія мною было предложено подчинить ихъ дѣйствію правилъ о частныхъ учеб-

ныхъ заведеніяхъ, ускючивъ требованіе образовательнаго ценза учащихъ въ этихъ школахъ. Мысль эта была встрѣчена сочувственно многими членами комиссіи, но вопросъ этотъ, равно какъ и общій вопросъ о наблюденіи за мусульманскими школами, остался открытымъ; очевидно, комиссія 1906 года, совершенно отказавшись отъ тѣхъ требованій, какія были установлены правилами 1907 года, не нашла возможнымъ предъявлять къ нимъ даже такія пониженныя требованія. И, конечно, въ то время никому и въ голову не приходила возможность замалчиванія фактовъ существованія такихъ школъ,—онѣ давно уже были извѣстны въ Крыму и восточныхъ губерніяхъ Россіи, и вопросъ остался не разрѣшеннымъ на комиссіи не потому, что были скрыты эти факты, но по болѣе важнымъ общегосударственнымъ соображеніямъ. Въ виду изложеннаго, я рѣшительно не понимаю, кому именно бросаетъ авторъ статьи совершенно неосновательный и ничѣмъ недоказанный упрекъ въ замалчиваніи существованія новометодныхъ мактабовъ въ краѣ.

Далѣе авторъ говоритъ въ своей статьѣ: «продолжительное игнорированіе русской администраціей древнихъ туземныхъ школъ, оправдываемое въ первое десятилѣтіе нашего управленія краемъ, никакъ и ничѣмъ не можетъ быть оправдано въ послѣдующія три десятилѣтія». Въ какомъ смыслѣ разумѣется здѣсь «игнорированіе»? Если въ буквальномъ смыслѣ, въ смыслѣ полнаго пренебреженія ими, необращенія на нихъ никакого вниманія, то это, какъ выше было указано, совсѣмъ невѣрно,—на нихъ было обращаемо едва-ли не больше вниманія, чѣмъ на русскія школы. Для нихъ была открыта единственная въ краѣ учительская семинарія и назначены первые инспекторы народныхъ училищъ, на должности которыхъ приглашались лица, болѣе или менѣе знакомыя съ мѣстными нарѣчіями; для обсужденія различныхъ вопросовъ по инородческому образованію составлялись разныя комиссіи, издавались правила и инструкціи и т. д., и причина неуспѣха въ дѣлѣ преобразованія этихъ школъ лежитъ совсѣмъ не въ недостаточномъ вниманіи къ нимъ, а гораздо глубже,—въ неподготовленности къ такой реформѣ самого населенія, въ недостаточномъ его развитіи и косности. Если же слово «игнорированіе» понимать въ смыслѣ отсутствія попытокъ къ насильственной ломкѣ и реформѣ этихъ школъ, то, мнѣ думается, такая реформа, если и была возможна, то только тотчасъ послѣ завоеванія края, когда покоренному народу можно было диктовать какія угодно условія. Если-же и въ то время найдено было невозможнымъ совершить такую ломку, то тѣмъ болѣе она невозможна была впослѣдствіи, когда и населеніе свыклось съ установившимся принципомъ невмѣшательства русской власти въ его духовную жизнь, и, въ особенности, она непозволительна теперь, когда вопросъ о свободѣ вѣры и совѣсти разрѣшенъ Высочайшимъ указомъ 1904 года.

Авторъ далѣе дѣлаетъ предположеніе, что число такихъ новометодныхъ, «независимыхъ», какъ онъ ихъ называетъ, мактабовъ въ Туркестанскомъ краѣ въ настоящее время должно быть значительно, но на чемъ основывается такое предположеніе—не высказываетъ; можетъ быть, ему, какъ редактору туземной газеты, а потому болѣе освѣдомленному относительно жизни мѣстнаго населенія края, это и извѣстно, но, къ сожалѣнію, онъ не дѣлится съ читателями своими свѣдѣніями и только высказываетъ неизвѣстно на чемъ основанное предположеніе. Мнѣ-же пока извѣстенъ лишь одинъ такой мактабъ въ Ташкентѣ, открытый весною 1908 года, свѣдѣнія о которомъ дошли до меня осенью того же года. При томъ и вся новометодность этого мактаба заключается пока въ томъ, что дѣти учатся въ немъ грамотѣ по звуковому способу и въ курсъ обученія, кромѣ обычныхъ

книгъ религіознаго содержанія, введено объяснительное чтеніе хрестоматіи, сообщающей разныя свѣдѣнія изъ области міровѣдѣнія. Весьма возможно, что кромѣ него найдутся и еще нѣсколько подобныхъ мактабовъ, незарегистрованныхъ администраціей, но едва-ли общее число ихъ можетъ быть значительно, такъ какъ такія школы имѣютъ пока значеніе лишь въ глазахъ незначительной части городского населенія, соприкасающагося съ русскими татарами. И въ появленіи такихъ школъ нѣтъ ничего неожиданнаго и опаснаго; естественный прогрессъ жизни мусульманъ долженъ былъ повести рано или поздно и къ реформѣ ихъ школъ, и на возможность такой реформы мѣстный директоръ народныхъ училищъ указывалъ еще на комиссіи 1907 года и настаивалъ на изданіи особыхъ правилъ касательно ихъ. Точно такъ-же, какъ обычное право у киргизъ (адатъ) естественно замѣняется постепенно болѣе разработаннымъ шаріатомъ, и едва-ли въ этой эволюціи есть основанія обвинять русскую административную власть, которая, будто бы, «проглядѣла» этотъ процессъ, какъ выражается авторъ упоминаемыхъ статей въ другомъ мѣстѣ. Такая же эволюція естественнымъ путемъ совершается и въ дѣлѣ религіи мусульманъ, представители которыхъ, недавніе строгіе приверженцы деспотически неограниченной власти своихъ султановъ и шаховъ, теперь доказываютъ, что Коранъ не только не противорѣчитъ конституціонному образу правленія, но даже одобряетъ его предпочтительно предъ неограниченнымъ; они доказываютъ также, что ихъ религія не относится враждебно къ европейской культурѣ, не противится проникновенію послѣдней въ мусульманскую среду и допускаетъ возможность иновѣрнаго владычества надъ мусульманами, и развѣ только завзятому фанатику-миссіонеру придетъ въ голову мысль возражать противъ такихъ толкованій и возстановлять первоначальную чистоту и строгость мусульманской религіи. Точно также и въ жизни мусульманской школы весьма естественъ переходъ отъ схоласти чески-религіозной къ научно культурной постановкѣ обученія въ нихъ, и едва ли какія мѣры или репрессіи въ состояніи затормозить этотъ естественный путь развитія народа. Весь вопросъ заключается лишь въ наблюденіи за этими школами, которыя вмѣстѣ съ такой реформой ихъ становятся болѣе чувствительными и воспріимчивыми ко всякимъ воздѣйствіямъ на учащихся въ нихъ. Но этотъ вопросъ здѣсь, въ Туркестанскомъ краѣ, не только не игнорируется, но, какъ указано выше, онъ возбуждался даже ранѣе возникновенія такихъ школъ въ краѣ. И не вина мѣстной администраціи въ томъ, что этотъ важный общегосударственный вопросъ остается не разрѣшеннымъ до сего времени даже для тѣхъ мѣстностей Имперіи, въ которыхъ сотни лѣтъ проживаетъ мусульманское населеніе и новометодныя школы давно существуютъ. Лучшее доказательство такого положенія дѣла приводитъ самъ авторъ цитируемой статьи, указывая на положеніе этого вопроса въ Крыму; тамъ, какъ говоритъ онъ, давно уже существуютъ новометодные мактабы, но особое совѣщаніе относительно ихъ состоялось лишь 5 декабря 1908 года: въ результатѣ этого совѣщанія попечитель учебнаго округа и начальникъ губерніи обѣщали возбудить ходатайство о принятіи этихъ школъ въ вѣдѣніе дирекціи народныхъ училищъ, а самимъ школамъ было предложено войти съ ходатайствами или въ дирекцію народныхъ училищъ о принятіи ихъ въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія на общихъ министерскихъ основаніяхъ, или-же превратиться въ обыкновенные конфессіональные мактабы и подчиниться вѣдѣнію мусульманскаго духовнаго управленія. «Такъ разрѣшаютъ въ Крыму вопросъ о новометодныхъ мактабахъ», говоритъ авторъ статьи. Какое-же это разрѣшеніе?—спросимъ мы.

Какія это общія основанія, на которыхъ предполагается принять ихъ въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія? Если имѣть здѣсь въ виду общія положенія, установленныя для инородческихъ начальныхъ училищъ, то они здѣсь совершенно не примѣнимы и подчинять ихъ дѣйствію новометодные мактабы—значитъ фактически уничтожать послѣдніе; такое-же уничтоженіе гровитъ имъ и въ случаѣ перехода ихъ въ вѣдѣніе мусульманскаго духовнаго управленія; это ли именно рѣшеніе имѣлъ въ виду авторъ, восклицая: «такъ разрѣшаютъ этотъ вопросъ въ Крыму»? Намъ думается, что въ дѣйствительности это дѣло и тамъ еще очень далеко отъ разрѣшенія; самъ-же авторъ говоритъ, что попечитель учебнаго округа и губернаторъ еще только обѣщали возбудить ходатайство о принятіи этихъ школъ въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія; значитъ, вопросъ будетъ разрѣшаться въ министерствѣ и вырабатываться условія существованія этихъ школъ. Совершенно такое-же направленіе этотъ вопросъ принялъ и здѣсь, въ Туркестанскомъ краѣ, съ тою только разницей, что возбужденъ былъ тотчасъ же послѣ того, какъ открылся первый такой мактабъ, а не послѣ продолжительнаго существованія и весьма значительнаго распространенія такихъ школъ; гдѣ же послѣ этого скорѣе можно найти «замалчиваніе» и непозволительное игнорированіе—здѣсь или въ Крыму, положеніе дѣла въ которомъ авторъ приводитъ намъ въ образецъ? Вопросъ о мусульманскихъ школахъ до сего времени остается открытымъ вопросомъ для всей Имперіи и требуетъ своего разрѣшенія въ высшихъ государственныхъ инстанціяхъ, и обвинять администрацію Туркестанскаго края, самой молодой изъ мусульманскихъ провинцій Россіи, въ неразрѣшеніи этого общегосударственнаго вопроса и въ недостаточномъ вниманіи къ нему нѣтъ никакихъ основаній.

Въ указанной статьѣ есть еще одна вставка, которую невозможно обойти молчаніемъ. Авторъ говоритъ, что «въ настоящее время не спорить нужно о томъ, слѣдуетъ или не слѣдуетъ подчинить всѣ вообще туземныя школы правительственному надзору, а возбудить настоятельное ходатайство объ усиленіи личнаго состава инспекцій народныхъ училищъ въ краѣ. Во-первыхъ кто же здѣсь оспариваетъ необходимость правительственнаго надзора за мусульманскими школами? Въ Россіи, гдѣ онѣ находятся въ вѣдѣніи духовныхъ управленій, еще возможенъ споръ о подчиненіи ихъ вмѣстѣ съ тѣмъ и правительственному надзору; въ Туркестанскомъ же краѣ, гдѣ нѣтъ мусульманскихъ духовныхъ управленій и гдѣ функціи ихъ исполняютъ мѣстныя административныя учрежденія,—когда и гдѣ возникалъ споръ о подчиненіи мѣстныхъ мусульманскихъ школъ административной русской власти? На сколько намъ извѣстно, даже въ средѣ самихъ мусульманъ не возникалъ здѣсь вопросъ объ изъятіи этихъ школъ изъ наблюденія русской администраціи; тѣмъ болѣе не было никакого разногласія во взглядахъ на этотъ вопросъ въ средѣ мѣстной администраціи и разница во мнѣніяхъ касалась лишь того, въ чемъ долженъ состоять этотъ надзоръ и какимъ образомъ лучше и цѣлесообразнѣе осуществлять его. Что надзоръ этотъ не долженъ простираться до попытокъ къ насильственной реформѣ и ломкѣ этихъ школъ, объ этомъ уже было сказано достаточно. Что же касается до осуществленія этого надзора, то безапелляціонно предлагаемый авторомъ проектъ увеличенія числа инспекторовъ народныхъ училищъ—едва ли будетъ цѣлесообразенъ для этого дѣла. Если всѣ эти инспектора будутъ заняты лишь внѣшнимъ надзоромъ за школами, за ихъ безопасностью въ политическомъ отношеніи—то при чемъ тутъ будетъ ихъ учебно-воспитательная служба? Это есть чисто адми-

стративно - полицейскій надзоръ, который имѣется за всѣми общественными мѣстами и учрежденіями и осуществляется органами административно-полицейскихъ учрежденій Имперіи. А затѣмъ, сколько нужно инспекторовъ народныхъ училищъ для того, чтобы фактически вести этотъ надзоръ? Въ трехъ коренныхъ областяхъ края имѣется до 6000 мусульманскихъ школъ; если на каждаго инспектора положить по 200 школъ, то потребуется для этихъ областей 30, а для всего края до 50 новыхъ инспекторовъ народныхъ училищъ, что вызоветъ новый расходъ казны отъ 150000 до 200000 рублей ежегодно. На такія средства, если бы они были отпущены, возможно было бы съ неизмѣримо большей пользой для дѣла обезпечить все общее обученіе русскаго населенія края или широко распространить въ немъ сѣть новыхъ русско-туземныхъ училищъ для дѣтей мусульманъ. И гдѣ найти такое количество лицъ, достаточно образованныхъ, административно опытныхъ и знакомыхъ съ мѣстными нарѣчіями и бытомъ населенія, чтобы успѣшно исполнять эти обязанности? Конечно, если откроются эти должности, то найдутся и кандидаты на нихъ, и всѣ вакансіи будутъ замѣщены. Но какія лица займутъ ихъ? У насъ въ послѣднее время усиленно пропагандируется тотъ взглядъ, что для замѣщенія различныхъ административныхъ должностей въ краѣ прежде всего и необходимѣе всего знать мѣстныя нарѣчія и высказываются сожалѣнія, что такихъ лицъ очень недостаточно. Не отрицая важности этихъ знаній, я позволю себѣ все-таки отмѣтить нѣкоторую утрировку и преувеличеніе въ этомъ; требованіи для болѣе самостоятельныхъ и отвѣтственныхъ административныхъ должностей важны и необходимы не столь знанія мѣстныхъ нарѣчій, сколько солидное образованіе, административный тактъ и опытность замѣщающихъ ихъ лицъ, а такихъ лицъ еще труднѣе найти, чѣмъ знающихъ мѣстныя нарѣчія. Недостатокъ знаній мѣстныхъ нарѣчій еще можно пополнить, пользуясь услугами хорошаго переводчика. А чѣмъ возможно пополнить недостатки образованія, административной опытности и служебнаго такта отвѣтственныхъ администраторовъ? И въ этомъ дѣлѣ меня болѣе всего безпокоятъ опасенія именно съ этой точки зрѣнія; весьма трудно будетъ такому инспектору удержаться въ предѣлахъ только одного наблюденія за школами; несомнѣнно, что многіе изъ нихъ захотятъ проявить и свою созидательную работу и будутъ вмѣшиваться во внутреннюю жизнь этихъ школъ: одному не понравится учебникъ, хотя-бы онъ и прошелъ русскую цензуру, и онъ разорветъ его въ классѣ на глазахъ учителя и учащихся, придающихъ этому учебнику значеніе священной книги; другой найдетъ автономію и выборное начало въ мусульманскихъ школахъ слишкомъ либеральнымъ явленіемъ и будетъ назначать на должности мударрисовъ своихъ ставленниковъ; третій начнетъ вмѣшиваться въ распредѣленіе вакуфныхъ средствъ по своему усмотрѣнію и т. п.,— развѣ сравнительно кратковременная практика наблюденія за Туркестанскими школами не давала примѣровъ подобнаго черезчуръ ревностнаго исполненія инспекторскихъ обязанностей? И къ чему правелъ опытъ существованія особыхъ инспекцій инородческихъ школъ въ Россіи? Только къ признанію ихъ нецѣлесообразности и къ закрытію ихъ. Нужно-ли повторять подобный неудачный опытъ здѣсь, когда онъ уже былъ произведенъ съ 1889 года по 1896 годъ и не далъ благопріятныхъ результатовъ? Поэтому еще въ 1898 году особая комиссія пришла по этому вопросу къ заключенію, что осуществлять этотъ надзоръ за мѣстными мусульманскими школами проще и цѣлесообразнѣе черезъ посредство общей административно полицейской власти, имѣющей значительный составъ служащихъ и

раскинутой по всей территоріи края; въ случаѣ же необходимости, легче и выгоднѣе для государства усилить этотъ составъ, чѣмъ назначать для этой цѣли комплектъ особыхъ инспекторовъ учи-

лищъ съ недостаточно опредѣленными функціями. И такая постановка дѣла была бы тѣмъ болѣе цѣлесообразна и послѣдовательна, что эти учрежденія издавна исполняютъ здѣсь нѣкоторыя функціи духовныхъ мусульманскихъ управленій, въ вѣдѣніи которыхъ состояли такія школы въ Россіи.

Что касается новометодныхъ школъ, то о нихъ стоитъ особый вопросъ, о которомъ достаточно было сказано выше. Если не задаваться какими-либо миссіонерскими задачами,—а такія задачи безусловно исключены здѣсь съ самаго начала водворенія въ краѣ русской власти,—то нужно совершенно спокойно и объективно смотрѣть на естественную эволюцію въ духовной жизни мусульманъ. Съ развитіемъ культуры и прогресса, несомнѣнно, ослабляется фанатизмъ всякой религіи, вслѣдствіе чего постулаты ея нерѣдко примѣняются и приспособляются къ духу времени. Если-же такая эволюція возможна въ области религіи, то тѣмъ легче она совершается въ процессѣ общекультурнаго развитія народа. И этому нѣтъ ничего страннаго, неожиданнаго и опаснаго въ томъ, что въ мусульманскія школы начинаютъ мало-по-малу проникать культурныя начала и идеи общаго образованія. И задача русской правительственной власти должна заключаться не въ томъ, чтобы пресѣчь это естественное движеніе, но помочь ему вылиться въ правильныя формы и достигнуть наилучшихъ результатовъ. А какъ это сдѣлать—вопросъ пока открытый.

С. Гравезицкій.

Итоги англо-русскаго соглашенія.

(*Изъ англійскихъ источниковъ*).

Подводя итоги политическаго положенія Индіи за истекшій 1908 годъ, англо-индійская пресса приходитъ къ выводу, что заключенный въ 1907 году англо-русскій договоръ принесъ Индіи несомнѣнную пользу; все вниманіе англо-индійскаго правительства за это время было обращено на внутреннее положеніе Индіи, гдѣ образованные классы туземнаго населенія съ такой настойчивостью требовали проведенія въ жизнь реформъ въ управленіи страной. При другомъ положеніи вещей англо-индійскому правительству пришлось бы на послѣднее обратить небольшое вниманіе, пришлось-бы рѣшать вопросъ быстро и сгоряча и вмѣстѣ съ тѣмъ пришлось-бы навѣрное прибѣгать къ строгимъ репрессивнымъ мѣрамъ, тогда какъ наличіе соглашенія позволило отнестись къ вышеупомянутому вопросу совершенно спокойно. Выработанныя мѣры должны удовлетворить туземное населеніе Индіи, должны вернуть ее въ старое русло спокойной жизни въ увѣренности за свое будущее. Правда, англо русское соглашеніе въ той части, которая касается Афганистана, до сихъ поръ не ратифаковано эмиромъ афганскимъ, но, съ другой строны, англійскія газеты не могутъ понять и самой цѣли необходимости въ этомъ. Два сопредѣльныхъ Афганистану государства рѣшили не вести никакой агрессивной политики въ сторону Афганистана, къ чему же какая-то конфирмація эмира? Если-бы англійскіе политики не мудрствовали лукаво, то навѣрное было-бы гораздо лучше. Прежде всего несомнѣнно, что прошлогоднихъ экспедицій противъ закка-кель и противъ момандовъ не было-бы, такъ какъ эмиру не было-бы надобности стараться устранвать осложненія въ полосѣ независимыхъ пле-

въ ближайшемъ будущемъ, турецкое правительство не предприметъ никакихъ мѣръ, съ цѣлью искорененія сухопутнаго пиратства, паломникамъ остается только одинъ путь,—это заранѣе входить въ сношеніе съ разбойниками бедуинами, уплачивая имъ заранѣе посильную сумму денегъ. Правда, это произведетъ удручающее впечатлѣніе на всѣхъ хаджей, но, имѣя въ виду, что жизнь дороже денегъ, приходится идти и на такіе компромиссы. Такъ было одно время на участкѣ Дамаскъ-Медина. Пока этого не будетъ—до тѣхъ поръ никто не можетъ поручиться за то, что хоть одинъ караванъ пройдетъ благополучно отъ Джедды въ Мекку; точно также, пока не будетъ въ Хеджасѣ достаточнаго количества турецкихъ войскъ,—бедуины будутъ хозяйничать,—каждый разъ усиливая, при этомъ, свое нахальство,—появляясь то въ Меккѣ, то въ Мединѣ.

Sine ira et studio.

Я очень радъ, что моя замѣтка «Что дѣлать съ новометодными мактабами» (№ 1 *Туркестанскихъ Вѣдомостей* 1909 года) обратила на себя вниманіе лица, такъ близко стоящаго къ мѣстнымъ народнымъ школамъ и вызвала съ его стороны большую статью «Открытый вопросъ» (№№ 10, 11, 12 *Туркестанскихъ Вѣдомостей* 1909 года). Очевидно, авторъ этой статьи самъ призналъ, что «замалчивать» этотъ вопросъ и «закрывать на него глаза далѣе нельзя»... Строго говоря, этимъ замѣчаніемъ я могъ бы и закончить свой отвѣтъ, такъ какъ почитаю себя совершенно удовлетвореннымъ,—моя цѣль достигнута. Нельзя не замѣтить, что автору статьи «Открытый вопросъ» слѣдовало-бы также ограничиться признаніемъ своевременности этого вопроса. Но онъ, очевидно, руководился какими то особыми побужденіями, когда писалъ свою статью и въ вопросѣ, чисто академическаго характера, удѣлилъ слишкомъ много вниманія моей личности, къ чему я съ своей стороны не давалъ никакого повода. Совершенно оставляя въ сторонѣ взятый авторомъ статьи тонъ, который, казалось бы, исключаетъ возможность продолженія спокойнаго и безпристрастнаго разговора на эту тему,—я въ интересахъ только дѣла, позволяю себѣ высказаться по поводу нѣкоторыхъ частныхъ обращеній, сдѣланныхъ авторомъ по моему адресу. И это я дѣлаю только въ интересахъ тѣхъ читателей *Туркестанскихъ Вѣдомостей*, для которыхъ поднятый вопросъ имѣетъ свое значеніе.

Прежде всего я не могу понять, что хотѣлъ подчеркнуть С. Граменицкій въ самомъ началѣ своей статьи, сказавши, что мои статьи о мусульманскомъ образованіи начали появляться въ *Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ* «съ половины прошлаго 1908 года», когда онъ самъ напечаталъ въ тѣхъ же *Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ* и за то же время три статьи («О методахъ преподаванія языковъ», «Къ вопросу объ инородческомъ образованіи» и «Краткая историческая записка объ устройствѣ инородческаго образованія въ Туркестанскомъ краѣ»).

С. Граменицкому, какъ лицу, живо интересующемуся этимъ вопросомъ, извѣстно, въ чемъ я не сомнѣваюсь, что мои статьи о народномъ и инородческомъ образованіи въ краѣ печатались въ *Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ* съ 1879 года, и я никогда не пріурочивалъ своихъ статей къ той, или другой половинѣ какого-либо года, а всегда печаталъ ихъ, когда замѣчалъ въ развитіи этого стараго и живненнаго вопроса новыя теченія. Таковы были мои статьи, давно писанныя въ отвѣтъ нѣкоему Мирзѣ Алиму; такова же была и моя послѣдняя статья, вызванная газетою Гаспринскаго. Взгляды на образованіе инородцевъ, высказываемые въ моихъ статьяхъ, я никогда не считалъ непогрѣшимыми и неподлежащими измѣ

нію—прежде всего для меня самого и никогда не имѣлъ обыкновенія рекомендовать читателю только свои статьи, какъ любитъ это дѣлать С. Граменицкій, неоднократно ссылаясь на свой «Очеркъ развитія народнаго образованія въ Туркестанскомъ краѣ», совершенно почему-то замалчивая болѣе древній «Историческій очеркъ народнаго образованія въ городахъ и укрѣпленіяхъ бывшей Сыръ-дарьинской линіи»..., составленный по архивнымъ документамъ и напечатанный въ первый разъ еще въ 1881 году. Казалось-бы, право литературнаго пріоритета должно быть уважаемо.

С. Граменицкій далѣе ставитъ мнѣ въ упрекъ, что я не даю никакого опредѣленнаго отвѣта на вопросъ: что дѣлать съ новометодными мактабами? Я не беру на себя смѣлости разрѣшить этотъ вопросъ; рѣшить его, какъ я и сказалъ, должно министерство; надо только, чтобы теперь-же было возбуждено соотвѣтствующее ходатайство о принятіи этихъ школъ въ сферу правительственнаго надзора, какъ это и предрѣшено администраціей гражданскаго и учебнаго вѣдомства въ Крыму. Чтобы покончить съ этимъ вопросомъ, я просилъ-бы заинтересованныхъ читателей сличить мою статью въ № 1 *Туркестанскихъ Вѣдомостей* этого года со статьею С. Граменицкаго въ №№ 10, 11 и 12 той же газеты.

Что касается моего личнаго мнѣнія объ учебно-просвѣтительныхъ взглядахъ перваго Туркестанскаго Генералъ-Губернатора К. П. фонъ-Кауфмана и объ его отношеніи къ мѣстнымъ мусульманскимъ школамъ, то, конечно, я могу судить объ этомъ вѣрнѣе С. Граменицкаго, такъ какъ служилъ при покойномъ К. П. Кауфманѣ именно по учебному вѣдомству и неоднократно былъ удостаиваемъ личныхъ его разговоровъ со мною по этому вопросу. Повторяю и теперь, что тотъ взглядъ, какого придерживался покойный устроитель Туркестанскаго края, былъ для того времени не только правиленъ, но и неизбѣженъ. Но со смерти К. П. Кауфмана прошло почти 30 лѣтъ, въ продолженіе которыхъ, особенно на послѣдніе годы, настроеніе инородцевъ Россіи вообще, а мусульманъ въ частности, сильно измѣнилось, и надежды покойнаго Генералъ-Губернатора на то, что мусульманскія школы въ краѣ, будучи предоставлены сами себѣ, не только не будутъ развиваться и укрѣпляться, но заплѣснѣютъ въ своей рутинѣ и не будутъ мѣшать росту и укрѣпленію среди туземнаго населенія русскихъ правительственныхъ школъ,—не осуществились. Всякій, «кто не закрываетъ глаза» предъ современною дѣйствительностью, видитъ, что и старыя мусульманскія школы продолжаютъ благополучно существовать и вновь открываются въ разныхъ мѣстахъ края мусульманскія школы какъ стараго типа, такъ и новаго. Если бы мы располагали точными статистическими данными относительно числа старыхъ и новыхъ мусульманскихъ школъ, то нашимъ глазамъ представилась-бы очень внушительная картина.*) Мнѣ извѣстно, что и въ Ташкентѣ, и въ разныхъ другихъ городахъ и селеніяхъ Туркестанскаго края въ послѣдніе годы подновляются старыя мадрасы, а въ Ферганской области расширяются и вообще улучшаются съ внѣшней стороны. Также мнѣ извѣстно, что и новометодные мактабы существуютъ въ разныхъ мѣстностяхъ края не съ прошлаго только года...

Напрасно С. Граменицкій недоумѣваетъ относительно того, когда я ошибался въ

*) По свѣдѣніямъ, имѣющимся въ управленіи учебными заведеніями, въ 1907 году въ 5 областяхъ края значилось мактабовъ до 6.000 съ болѣе чѣмъ 70.000 учащихся въ нихъ и, кромѣ того, 335 мадрасъ съ почти 10.000 учащихся. Эти цифры сами говорятъ за полную жизнеспособность этихъ школъ. Одновременно съ этимъ надо не забывать, что русско-туземныхъ школъ въ тѣхъ же пяти областяхъ нѣтъ и 100, а учащихся въ нихъ немного болѣе 3.000, да и тѣ далеко не всѣ обучаются, какъ утверждаетъ учитель г. Андреевъ (*Турк. Курьеръ* „Зрѣлый вопросъ русско-туземныхъ школъ".

этомъ вопросѣ, для обсужденія кото раго въ равное время былъ приглашаемъ въ особыя комиссіи. Напомню С. Граменицкому, что въ «Трудахъ особаго совѣщанія по вопросамъ образованія восточ-ныхъ инородцевъ», происходившаго въ Петербургѣ въ 1905 году, по вопросу о правительственномъ контролѣ, было напечатано мое личное мнѣніе (стр. 307—308) и послѣ того, какъ рѣшенія этой комиссіи, уже утвержденныя въ министерствѣ, были пріостановлены при новомъ составѣ министерства, я долженъ былъ подчиниться новымъ взглядамъ, которые въ свою очередь, кажется, уступаютъ мѣсто другимъ взглядамъ на тотъ-же предметъ.

Фактъ открытія учительской семинаріи въ Ташкентѣ также доказываетъ нѣчто другое, а не то, что видитъ въ немъ С. Граменицкій: покойный К. П. фонъ-Кауфманъ имѣлъ въ виду приготовлять въ ней учителей для киргизъ и въ этихъ видахъ въ курсъ ея было введено преподаваніе киргизскаго языка. Затѣмъ, съ измѣненіемъ взглядовъ администраціи на образованіе инородцевъ, въ той-же семинаріи стали обучать сартовскому и персидскому языкамъ.

Оставляя въ сторонѣ многіе выпады, сдѣланные по моему адресу С. Граменицкимъ, придающимъ характеръ обвиненія въ важномъ государственномъ преступленіи замалчиванію и игнорированію новыхъ мактабовъ,—я укажу только на совершенную неумѣстность его фантастическихъ разсужденій о «завзятомъ фанатикѣ миссіонерѣ», возражающемъ противъ толкованій современныхъ мусульманъ относительно примѣнимости корана къ новѣйшимъ формамъ государственной жизни.... Что касается корана (и прибавлю—шаріата), въ отношеніи его примѣнимости къ новѣйшимъ теченіямъ въ бытовой и государственной жизни мусульманъ вообще, то позволяю себѣ думать, что понимаю этотъ вопросъ не менѣе широко, чѣмъ С. Граменицкій. Относительно же завзятаго фанатика-миссіонера думаю, что такихъ миссіонеровъ не было и нѣтъ въ Туркестанскомъ краѣ; а вотъ, къ великому стыду нашему, въ Туркестанѣ за послѣдніе годы были извѣстны случаи перехода въ мусульманство коренныхъ русскихъ людей..... Больше этого я считаю неприличнымъ злоупотреблять терпѣніемъ читателей *Туркестанскихъ Вѣдомостей*.

Н. Остроумовъ.

Непротивленіе злу.

«На дняхъ ожидается разгромъ Персидской Джульфы».

«При проѣздѣ черезъ Ямъ (пунктъ около Тавриза) революціонеры связали всѣхъ сторожей, затѣмъ избили ихъ палками. У связанныхъ отъ веревокъ появились раны. Революціонеры нѣсколько разъ порывались убить начальника заставы, направляя на него дула своихъ ружей. Телефонное и телеграфное сообщеніе съ Тавризомъ прервано».

«Макинцы снова задержали три каравана въ 220 верблюдовъ, принадлежащихъ русскимъ подданнымъ. Караваны шли изъ Джульфы въ Тавризъ съ разными товарами. Въ персидской Джульфѣ революціонеры на плоскихъ крышахъ зданій возводятъ изъ кирпичной кладки укрѣпленія. Всѣ зданія эти принадлежатъ русско-подданному елизаветпольскому купцу. Отъ возводимыхъ революціонерами укрѣпленій, на югѣ въ 150, а на сѣверъ въ 200 саженяхъ находится русская таможня, а за нею русская Джульфа со всѣми торговыми конторами и складами. Въ русской Джульфѣ имѣется незначительный гарнизонъ, состоящій изъ 2 сотенъ казаковъ, одной роты стрѣлковъ, не считая горсти пограничниковъ, которымъ и безъ того приходится нести усиленную службу въ борьбѣ съ контрабандистами».

Вотъ событія, которыя происходятъ въ

и работающимъ на границѣ, съ другой стороны, видя расположеніе эмира афганскаго въ сторону Англіи, сочли своимъ долгомъ помогать момандамъ бороться противъ англичанъ.

Вотъ съ послѣднимъ факторомъ англо-индійскому правительству и приходится считаться. Частыя нападенія махсудовъ на индійскіе посты за послѣднее время обезпокоили британское правительство, англо-индійская-же пресса стала указывать на необходимость теперь-же послать противъ махсудовъ карательную экспедицію. Однако, нѣкоторые органы печати вмѣстѣ съ тѣмъ задаютъ тревожный вопросъ, не воспользуются-ли и этимъ случаемъ афганцы, чтобы выступить противъ англичанъ. Если во время сравнительно неожиданнаго возстанія момандовъ афганцы присоединялись отдѣльными группами, то не станутъ-ли они помогать и махсудамъ и притомъ въ гораздо большихъ размѣрахъ. Со времени прекращенія военныхъ дѣйствій на сѣверо западной границѣ Индіи прошелъ всего лишь одинъ мѣсяцъ, который афганцы съ успѣхомъ могли употребить на подготовку противъ англичанъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ то обстоятельство, что большіе транспорты оружія со стороны Персидскаго залива, направлявшіеся въ Кандагаръ и Гератъ въ прежніе годы для продажи всѣмъ желающимъ, теперь проходили прямо въ территорію независимыхъ племенъ, гдѣ моментально и раскупались,—тоже вызываетъ большія опасенія въ Индіи. Въ послѣднихъ номерахъ англійскихъ газетъ указывается на то, что состоявшееся примиреніе между эмиромъ Хабибуллой и его братомъ сердаремъ Насрулла-ханомъ, съ одной стороны должно разсматриваться какъ симптомъ наступившаго въ Афганистанѣ спокойствія, а, съ другой стороны, вышеуказанные органы печати высказываютъ взглядъ, что это примиреніе, можетъ быть, только на время, а затѣмъ легко могутъ вспыхнуть новыя осложненія, которыя повлекутъ, можетъ быть, новую ссору. Во всякомъ случаѣ, вслѣдствіе вышеуказанныхъ опасеній, многія англійскія газеты стараются доказать, что при настоящемъ положеніи вещей вмѣсто карательной экспедиціи противъ махсудовъ гораздо цѣлесообразнѣе было бы реорганизовать пограничную полицію и милицію, вооружить ихъ современными ружьями, увеличить число постовъ и составъ ихъ, усилить штатъ офицеровъ и, такимъ образомъ, на наступательную политику махсудовъ отвѣтить оборонительными мѣрами, не давая имъ возможности фактически совершать преступленія. Все увеличивающіеся безпорядки въ Индіи, для подавленія которыхъ приходится часто призывать войска, также говорятъ не въ пользу и за несвоевременность карательной экспедиціи, такъ какъ при малѣйшихъ опасеніяхъ, что эта экспедиція можетъ вызвать неожиданную войну съ Афганистаномъ (какъ это едва не случилось во время экспедиціи противъ момандовъ) и усилить внутреннія безпорядки въ Индіи, она недопустима. Какъ выйдетъ англо индійское правительство изъ создавшагося чрезвычайно труднаго положенія вещей, покажетъ недалекое будущее.

КЪ ВОПРОСУ

о государственномъ языкѣ въ инородческихъ школахъ Туркестанскаго края.

Вопросъ о государственномъ языкѣ въ инородческихъ школахъ нужно въ данномъ случаѣ понимать въ смыслѣ обученія инородцевъ русскому языку, какъ отдѣльному учебному предмету, въ мактабахъ и мадрасахъ и въ смыслѣ преподаванія на этомъ языкѣ учебныхъ предметовъ въ русско-туземныхъ училищахъ. Въ обоихъ случаяхъ поставленный вопросъ имѣетъ значеніе серьезное, почему не только мѣстное, но и центральное русское правительство не разъ обсуждало его какъ съ принципіальной, такъ и съ практической точки зрѣнія. И казалось бы,

что такой очевидный вопросъ не долженъ вызывать разногласій между русскимъ правительствомъ и инородцами, подданными Россіи, потому что всѣ подданные государства обязаны знать государственный языкъ, языкъ не только господствующаго народа, но языкъ правительственныхъ учрежденій, правящаго класса и законовъ, коими управляются инородческіе подданные Россіи. На самомъ-же дѣлѣ обученіе инородцевъ русскому языку на разныхъ окраинахъ Россіи, въ равное время, особенно въ послѣдніе годы, вызывало горячіе споры и даже открытыя противодѣйствія русскому правительству со стороны представителей инородческаго населенія въ губерніяхъ съ польскимъ населеніемъ въ Сѣверо-западномъ краѣ и въ Прибалтійскихъ губерніяхъ*). По примѣру инородцевъ западныхъ губерній, инородцы восточной Россіи въ послѣдніе годы также выдвинули на очередь вопросъ о русскомъ языкѣ, какъ предметѣ изученія въ школѣ и языкѣ обученія. Министерство народнаго просвѣщенія, послѣ правилъ 1870 года, дважды обсуждало этотъ «больной» вопросъ въ особыхъ комиссіяхъ и до настоящаго времени положеніе и постановка русскаго языка въ инородческихъ школахъ Россіи вообще и въ мусульманскихъ школахъ въ частности нельзя считать твердо установившимся. Пользуясь извѣстною растерянностью правительства во время освободительнаго движенія въ Россіи и разсчитывая на русскую податливость вообще и розньравныхъ вѣдомствъ въ общей государственной дѣятельности, передовые инородцы, не исключая чувашъ и черемисъ вдругъ открыто и рѣзко заговорили объ автономіи, а вопросу о сударственномъ языкѣ придали оттѣнокъ правительственной политики въ гораздо б о л ь ш е й степени, чѣмъ это слѣдовало. По нашему мнѣнію, въ обученіи дѣтей инородцевъ русскому государственному языку, несомнѣнно, есть сторона и политическая, но она направлена не только къ пользѣ Россіи, но и къ пользѣ самихъ же инородцевъ, а утописты-автономисты видятъ въ естественномъ стремленіи правительства грубое посягательство на національную самобытность инородческихъ племенъ,—одностороннюю р у с с и ф и к а ц і ю. Подъ вліяніемъ разныхъ «свободъ»*), передовые инородцы не хотятъ признавать за русскимъ правительствомъ права стремиться къ ознакомленію инородческихъ дѣтей съ государственнымъ языкомъ и настаиваютъ на полной автономіи инородческой школы и на таковой-же изоляціи ея отъ правительственнаго надзора. Правительство, въ свою очередь, не можетъ отказаться отъ своего права и долга требовать отъ инородцевъ знанія государственнаго языка, для ознакомленія съ которымъ прежде всего является инородческая школа.

Такимъ образомъ, создалось обостренное отношеніе у русскаго правительства къ представителямъ инородческихъ племенъ въ Россіи, причемъ послѣднія, не желая считаться съ условіями «подданства Россіи», нерѣдко переходятъ грани возможныхъ приличій и договариваются до абсурдовъ, какъ это не разъ обнаруживалось въ русской и инородческой печати Россіи. Мы не говоримъ уже о томъ, что при обсужденіи указаннаго вопроса, педагогическая сторона его совершенно игнорируется инородческими публицистами, и были случаи, когда послѣдніе жаловались правительству (въ данномъ случаѣ министерству народнаго просвѣщенія и Государственной Думѣ)

*) По послѣднимъ извѣстіямъ, „союзъ польскаго просвѣщенія“ объявилъ войну русской школѣ отъ народнаго училища до Варшавскаго университета.

*) При этомъ, конечно, не нужно забывать, что въ послѣдніе годы въ разныхъ мусульманскихъ странахъ усилилось такъ называемое панисламское движеніе, вліяніе котораго несомнѣнно простиралось и отразилось и на передовыхъ мусульманахъ Россіи. О панисламизмѣ передовые мусульмане Россіи старались печатно увѣрять, что такого движенія между ними нѣтъ, но факты, и дтверждающіе это движеніе, налицо, какъ это видно изъ русскихъ, западноевропейскихъ и мусульманскихъ газетъ.

на такія стѣсненія и ограниченія ихъ школы, какихъ на самомъ дѣлѣ не было. Такъ, напримѣръ, татарскіе публицисты кстати и не кстати указывали на о б р у с и т е л ь н ы я тенденціи правительства, на несоотвѣтствіе министерскихъ школьныхъ правилъ нуждамъ просвѣщенія мусульманъ, на несовмѣстимость мусульманскаго мактаба, какъ вѣроисповѣдной школы, съ программой правительственной начальной школы, на недостаточность программы этой послѣдней, на несуществующее стремленіе правительства къ искорененію изъ мусульманской школы арабскаго алфавита, признаваемаго татарами н а ц і о н а л ь н ы м ъ для всѣхъ тюрковъ, на стѣснительность и ненужность правительственной школьной инспекціи, на затруднительность для дѣтей мусульманъ помѣщать своихъ дѣтей въ обще образовательныя русскія учебныя заведенія по причинѣ установленнаго возраста, на игнорированіе родного языка инородцевъ въ школѣ, на недостаточныя права инородцевъ по чинопроизводству и пенсіи и т. д. Въ такихъ и подобныхъ сѣтованіяхъ на русское правительство инородческіе публицисты далеко не всегда правы, а иногда прямо несправедливы. Но здѣсь не мѣсто разбирать всѣ жалобы нашихъ инородцевъ мусульманъ на русское правительство вообще и на министерство народнаго просвѣщенія въ частности, жалобы, доходящія иногда до полнаго отрицанія какихъ-либо пользъ и выгодъ для инородцевъ отъ русскаго управленія, при совершенномъ замалчиваніи разныхъ недостатковъ у самихъ инородцевъ, управленіе которыми, по нашему глубокому убѣжденію, понижаетъ уровень русской культуры вообще и отдѣльныхъ русскихъ людей, находящихся въ продолжительномъ непосредственномъ соприкосновеніи съ разными инородческими племенами. Всего болѣе странно то, что инородческіе жалобщики на русское управленіе не ставятъ русскому правительству въ заслугу даже и тѣхъ заботъ его, благодаря которымъ современные инородческіе лидеры н а у ч и л и с ь пони мать и чувствовать разницу культурной жизни отъ некультурной и предъявлять русскому управленію столь невыполнимыя требованія, какихъ не услышишь и отъ коренного русскаго населенія.

Такое положеніе дѣла вредно для инородческой массы, которая, по своей косности и неразвитости, не въ состояніи отличить истину отъ лжи, а тѣмъ болѣе —выдѣлить преувеличенія въ жалобахъ своихъ представителей и подыскать имъ соотвѣтствующія объясненія, не говоря уже о томъ, что инородцы и иновѣрцы всегда и вездѣ склонны видѣть недоброжелательство и неискренность въ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ иноплеменнаго и иновѣрнаго правительства. Такъ, напримѣръ, распространяется повсюду среди инородцевъ не только внутренней Россіи, но и нашего Туркестана, нелѣпое предположеніе, что русское правительство, настаивая на обученіи инородческихъ дѣтей русскому языку и русской грамотѣ, имѣетъ скрытую цѣль подготовить ихъ къ отбыванію воинской повинности и даже къ перемѣнѣ народной вѣры на правительственную.

Но какъ-бы то ни было инородческій «школьный» вопросъ вообще и въ частности вопросъ о школьномъ обученіи инородческихъ дѣтей государственному (русскому) языку до послѣдняго времени столь рѣзко и опредѣленно не подымался въ Россіи и только послѣ объявленія о свободѣ печати сталъ предметомъ открытаго обсужденія въ разныхъ (преимущественно — лѣвыхъ) газетахъ. Для иллюстраціи такого положенія вопроса, можно сослаться на слѣдующіе несомнѣнные факты.

Съ давнихъ поръ въ разныхъ мѣстностяхъ Россійской Имперіи дѣти разныхъ инородческихъ племенъ стремились къ образованію безпрепятственно и обучались въ русскихъ правительственныхъ школахъ не только въ низшихъ, но и въ среднихъ и высшихъ. Русское правительство всегда поощряло инород

ческихъ дѣтей въ этомъ случаѣ: познанія ихъ въ русскомъ языкѣ оцѣнивались съ точки зрѣнія ихъ инородческаго происхожденія, отъ изученія греческаго языка они освобождались, а во всѣхъ прочихъ учебныхъ предметахъ имъ дѣлались разныя снисхожденія; въ самомъ возрастѣ имъ дѣлалась уступка въ смыслѣ превышенія общей нормы, установленной для гимназій. Въ числѣ инородцевъ, обучавшихся въ Омской и Оренбургской гимназіяхъ, бывали женатые... Если при этомъ % учащихся инородцевъ въ русскихъ школахъ былъ вообще не великъ, то въ этомъ не виновато русское правительство, отъ котораго было-бы не справедливо требовать пониженія учебнаго курса общеобразовательной, а тѣмъ болѣе спеціальной высшей школы до уровня недостаточнаго развитія и недостаточной подготовки къ гимназическому и университетскому курсу дѣтей инородцевъ, впервые приступавшихъ къ развитію своихъ умственныхъ способностей на упражненіяхъ въ научныхъ дисциплинахъ, ничего общаго не имѣвшихъ съ бытомъ инородцевъ. Для лучшаго освѣщенія этого вопроса можетъ служить сопоставленіе дѣтей евреевъ съ дѣтьми мусульманъ: поступленіе первыхъ въ русскія школы правительство ограничивало, а поступленіе послѣднихъ поощряло, но въ результатѣ все-таки получался большій % успѣвающихъ среди евреевъ. А между тѣмъ, въ отношеніи племеннаго и религіознаго отличія отъ русскихъ, евреи находятся не въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ мусульмане. Значитъ тутъ дѣйствовала другая, біологическая причина, а не правительственный произволъ и насиліе.

Съ другой стороны, на основаніи личныхъ воспоминаній, можно указать на фактъ вполнѣ непритязательнаго обученія дѣтей татаръ въ русской школѣ въ концѣ 50 гг. прошлаго столѣтія. Именно въ 1857—8 году я случайно жилъ у русскаго учителя такой школы (кажется удѣльнаго вѣдомства) въ большомъ и богатомъ татарскомъ селѣ съ четырьмя мечетями. Въ этой школѣ, помѣщавшейся въ домѣ татарина, обучались дѣти мѣстныхъ татаръ по русскимъ букварямъ и другимъ русскимъ же учебникамъ. Было въ школѣ и нѣсколько русскихъ мальчиковъ—дѣтей случайныхъ поселенцевъ этого сплошного татарскаго села. Дворовъ пять, кажется, русскихъ было тамъ всего. Жили всѣ въ селѣ мирно; лѣтомъ и осенью дѣти дружно играли на улицѣ въ конскіе ковны (ашыкъ), а зимой катались въ салазкахъ,—и никакого племеннаго разъединенія между русскими и татарскими дѣтьми не замѣчалось. Помню, что къ русскому учителю школы нерѣдко приходилъ на чай старшій въ селѣ имамъ (ахундъ), довольно свободно говорившій по русски. Помню я и многихъ другихъ татаръ того села, которые безъ труда и даже бойко разговаривали съ русскими прядильщиками веревокъ изъ пеньки (очищенная конопля), но не помню ни одного случая открытыхъ ссоръ или вражды русскихъ съ татарами. Истопники печей въ училищѣ (18-лѣтній Саидъ и братъ его Ахмедъ) благодушно баловали насъ, русскихъ мальчиковъ, и возили насъ на своихъ спинахъ по комнатѣ, или, изображая медвѣдей, ползали по полу на четвереньках въ бараньей шубѣ, вывороченной шерстью вверхъ, а мы съ веселымъ беззаботнымъ крикомъ бѣгали отъ нихъ по угламъ комнаты. И никому изъ насъ не приходило въ голову думать, что съ нами забавляются татары, т. е. не русскіе и не нашей вѣры люди. Я, по крайней мѣрѣ, не помню, чтобы кто нибудь изъ татаръ обозвалъ меня тогда кафиромъ, т. е. невѣрнымъ, какъ мусульмане обыкновенно называютъ исповѣдникомъ другой вѣры, не исключая тѣхъ, кто признаетъ Троицу и Іисуса, Сына Маріи, Богомъ (Коранъ, гл. 5, ст. 76 и 77).

Такое-же довѣрчивое и простодушное отношеніе дѣтей киргизъ къ русскимъ наблюдалось въ первыхъ туркестанскихъ школахъ. Вѣроятно, многіе изъ читателей *Туркестанскихъ Вѣдомостей* при

помнятъ изъ своей жизни такіе-же случаи совмѣстнаго мирнаго жительства съ татарами, киргизами, башкирами и др. инородцами въ разныхъ мѣстностяхъ нашей многоплеменной Имперіи, когда ни русскимъ, ни инородцамъ не приходило въ голову думать о томъ, что русскій языкъ нужно изучать такъ именно, а не иначе... Кто изъ инородцевъ поступалъ въ русскую школу, тотъ и выучивался тамъ русскому языку и не раскаивался потомъ въ пріобрѣтенномъ знаніи.

Теперь настало другое время, когда передовые инородцы и сами хитро мудрствуютъ о простыхъ по существу вещахъ, а, главное, сбиваютъ съ толку непередовыхъ своихъ соплеменниковъ. Сколько, напримѣръ, было излишнихъ разговоровъ и переписки по поводу открытія русско татарскихъ школъ въ Казалинскѣ и самомъ Ташкентѣ? А еще хитрѣе было дѣло съ открытіемъ мадрасы въ городѣ Туркестанѣ...

Все это напоминаетъ намъ уклончивыя отношенія инородцевъ восточной Россіи къ министерскимъ школьнымъ правиламъ 1870 года. Правила эти въ 1905 году были пересмотрѣны и измѣнены въ интересахъ самихъ-же инородцевъ, но послѣ указовъ о свободѣ пришлось снова пересматривать эти правила уже съ участіемъ инородческихъ представителей, и едва-ли можно думать, что и этими правилами удовлетворятся россійскіе инородцы. Раньше инородцы-мусульмане ссылались на дѣйствительныхъ и воображаемыхъ русскихъ миссіонеровъ; теперь они добиваются не просто вѣротерпимости, но и права религіозной пропаганды, которымъ они фактически всегда широко пользовались и не безъ успѣха въ киргизскихъ и калмыцкихъ кочевьяхъ. Тѣмъ не менѣе, они продолжаютъ уклончиво разсуждать объ обязательности изученія русскаго государственнаго языка всѣми инородческими подданными Россіи.

Очевидно, защитники инородческихъ автономій не знаютъ и не хотятъ считаться въ этомъ случаѣ съ примѣромъ западно европейскихъ государствъ, а мусульманствующіе инородцы не принимаютъ при этомъ во вниманіе близкій ихъ сердцу примѣръ единовѣрной Турціи, государственный языкъ которой обязательно изучается всѣми подданными этой Имперіи.

Въ Германіи, въ начальныхъ (городскихъ и сельскихъ) училищахъ обученіе дѣтей литовцевъ и поляковъ по всѣмъ учебнымъ предметамъ, кромѣ закона Божія*), ведется на нѣмецкомъ языкѣ, причемъ допускается на первыхъ ступеняхъ обученія пользованіе и роднымъ языкомъ. Родной языкъ считается необязательнымъ предметомъ и преподается только тамъ, гдѣ желаютъ этого родители учащихся. Точно также и въ школахъ съ учениками, говорящими дома по датски, всѣ учебные предметы преподаются на нѣмецкомъ языкѣ, а при обученіи закону Божію только на низшихъ ступеняхъ пользуются роднымъ языкомъ. Въ школахъ Эльзаса и Лотарингіи господствуетъ еще болѣе строгая система преподаванія на нѣмецкомъ языкѣ. Дѣти сербовъ лужичанъ (въ Саксоніи) обучаются чтенію нѣмецкому и славянскому, но они обязаны владѣть устно и письменно государственнымъ (нѣмецкимъ) языкомъ. Въ низшихъ классахъ преподаваніе ведется на родномъ языкѣ дѣтей, а въ высшихъ всѣ учебные предметы преподаются на государственномъ языкѣ.

Результатомъ такой системы обученія дѣтей инородцевъ въ германскихъ школахъ получается возможно широкое распространеніе нѣмецкаго языка среди инородческаго населенія германской имперіи: тамъ, внѣ деревни, слышенъ только нѣмецкій языкъ. И это не только не во вредъ самимъ инородцамъ, а наоборотъ: польское населеніе, напримѣръ, въ Познани является въ настоящее время «однимъ изъ самыхъ прекрасныхъ образцовъ цивилизованнаго человѣчества на всемъ земномъ шарѣ» и обязано своею высокой культурою нѣмецкому школьно-

*) И законъ Божій въ инородческихъ германскихъ школахъ преподается на родномъ языкѣ только въ первые три года, а въ слѣдующіе затѣмъ пять лѣтъ обязательнаго школьнаго обученія—на нѣмецкомъ языкѣ.

му учителю, а сообщающій это свѣдѣніе Валишевскій заявляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что онъ самъ получилъ воспитаніе заграницей и не замѣчаетъ, чтобы душа его отъ такого воспитанія растлѣлась**). Примѣръ познанскихъ поляковъ и заявленіе Валишевскаго можетъ послужить назиданіемъ для мѣстныхъ руссофобовъ.

Во французскихъ владѣніяхъ инородческія дѣти не пользуются въ школахъ роднымъ языкомъ и преподаваніе въ младшихъ классахъ этихъ школъ ввѣрено учителямъ, не знающимъ родного языка учащихся. Поэтому дѣтей инородцевъ, до опредѣленія въ школу, усиленно обучаютъ разговорному французскому языку, на которомъ ведется преподаваніе***).

Въ Австро-Венгріи мадьяры всѣми способами стремятся вытѣснить инородческій языкъ, особенно славянскій, изъ домашняго обихода. Языкомъ преподаванія въ школахъ считается мадьярскій, а въ школахъ съ однороднымъ инородческимъ составомъ учащихся требуется обязательное обученіе государственному языку и преподаваніе двухъ учебныхъ предметовъ на этомъ языкѣ. При всемъ этомъ мадьярскія власти стараются превращать всякую инородческую школу въ чисто мадьярскую и, на основаніи закона, требуютъ отъ родителей-инородцевъ, чтобы они посылали своихъ дѣтей, до поступленія въ школу, отъ 3 до 6 лѣтъ, въ дѣтскіе сады и пріюты не только для обученія разговору по-мадьярски, но и въ видахъ воспитанія ихъ въ мадьярскомъ духѣ. Такія требованія мадьяръ, какъ тюрковъ по происхожденію, должны бы обратить вниманіе нашихъ тюрковъ (татары, киргизы и др.), столь рѣзко и настойчиво ратующихъ за обособленность инородческихъ школъ.

Швейцарское правительство, дѣлаетъ тщательный подборъ и группировку населенія по національностямъ, а потому обученіе въ школахъ государственному языку совпадаетъ тамъ съ обученіемъ на родномъ языкѣ; исключенія для дѣтей не преобладающей народности не допускается, и дѣти французовъ, обучающіяся въ школахъ съ нѣмецкимъ языкомъ, своимъ роднымъ языкомъ не пользуются.

Въ Сѣверо Американскихъ Штатахъ во всѣхъ начальныхъ школахъ обученіе происходитъ на государственномъ языкѣ, независимо отъ національности учащихся, причемъ школьныя власти заявляютъ: «мы беремъ дѣтей со всѣхъ четырехъ частей свѣта и превращаемъ ихъ въ американцевъ. Первому-же поколѣнію, проходящему черезъ школы, мы прививаемъ американское воспитаніе. Пусть оно и не обладаетъ совершенствами, но съ его помощью дѣти 29 національностей становятся представителями единой націи»****).

Въ нашемъ Туркестанскомъ краѣ въ вѣроисповѣдныхъ туземныхъ школахъ (мактабы и мадрасы) русскій языкъ совсѣмъ не изучается; дѣти туземцевъ, обучающіяся въ этихъ школахъ, рѣдко могутъ сказать, въ какой части Россіи они живутъ и какому Государю подвластны... Словомъ: эти школы пользуются такою автономіей, какая едва ли есть гдѣ ни будь на земномъ шарѣ, чему не рѣдко удивляются сами туземцы. Что будетъ далѣе съ этими школами—неизвѣстно, но естественно пожелать имъ измѣненія ихъ положенія къ лучшему.

Что касается русско-туземныхъ школъ края, то въ нихъ русскій языкъ преподается и является не только предметомъ изученія, но и языкомъ обученія. Кромѣ того, въ этихъ школахъ дѣтямъ туземцевъ сообщаются краткія свѣдѣнія изъ русской исторіи и русской географіи,

---

**) Письма съ Запада. *Нов. Вр.* отъ 16 іюля 1908 г., № 11,617.

***) Такъ обучаются французскому языку дѣти туземцевъ въ Алжирѣ.

чѣмъ эти школы и оправдываютъ свое назначеніе.

Вдаваться въ подробности программы этихъ школъ и говорить о методахъ обученія въ нихъ не входитъ въ задачу настоящей статьи; но чтобы понять и оцѣнить рѣзкую разницу, существующую во всемъ между мактабомъ и русско-туземной школой, нужно видѣть ту и другую и послушать отвѣты учениковъ обоего рода школъ на одни и тѣ же вопросы, принявъ во вниманіе и продолжительность обученія въ той и другой школѣ*****).

Н. Остроумовъ.

Памяти В. М. Лазаревскаго.

Въ субботу, 2 августа, чины управленія земледѣлія и государственныхъ имуществъ въ Туркестанскомъ краѣ отслужили въ Спасо-Преображенскомъ соборѣ панихиду по скончавшемся 30 іюля въ Астрахани бывшемъ своемъ начальникѣ Владимірѣ Михайловичѣ Лазаревскомъ; на панихидѣ, кромѣ бывшихъ подчиненныхъ покойнаго, присутствовали также и его ближайшіе знакомые по Ташкенту. Эта панихида, равно какъ и сердечные проводы, устроенные при отъѣздѣ Владиміра Михайловича изъ Ташкента въ Астрахань' свидѣтельствуютъ о тѣхъ искреннихъ добрыхъ отношеніяхъ, которыя установились между В. М. Лазаревскимъ, его сослуживцами и ташкентскимъ обществомъ.

Окончивъ Казанскій университетъ по юридическому факультету въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, Владиміръ Михайловичъ началъ свою службу бухгалтеромъ акцизнаго управленія въ Астрахани; тамъ-же онъ былъ въ теченіе 12 лѣтъ мировымъ судьей по выборамъ и 9 лѣтъ астраханскимъ городскимъ головою, проявивъ на этой должности большую опытность, знаніе городского хозяйства, замѣчательное умѣніе быстро оріентироваться въ трудныхъ положеніяхъ городской жизни и рѣдкостную тактичность, дававшую ему возможность поддерживать самыя лучшія отношенія со всѣми представителями власти и населенія города Астрахани. Не меньшую умѣлость и способность глубоко изучить ввѣренное ему новое дѣло проявилъ Владиміръ Михайловичъ въ должности предсѣдателя временнаго совѣта по управленію внутренною киргизскою ордою въ Астраханской губерніи. Пробывъ въ этой должности около 10 лѣтъ, покойный успѣлъ обстоятельно изучить экономическія и бытовыя условія жизни этого народа, съ которымъ у него установились настолько хорошія отношенія, что не прерывались даже и въ годы службы Владиміра Михайловича въ Ташкентѣ.

При этомъ должно упомянуть, что покойный, будучи самъ человѣкомъ широко образованнымъ, въ своихъ постоянныхъ заботахъ о ввѣренномъ его попеченію инородческомъ населеніи много потрудился для насажденія среди киргизъ русскаго начальнаго образованія и о достигнутыхъ имъ въ этомъ направленіи результатахъ покойный и впослѣдствіи вспоминалъ всегда съ большимъ удовольствіемъ.

Замѣчательную энергію и разумную распорядительность проявилъ Владиміръ Михайловичъ въ памятный для Астрахани 1892 холерный годъ, чѣмъ обратилъ на себя просвѣщенное вниманіе пріѣзжавшаго въ Астрахань по Высочайшему повелѣнію принца Ольденбургскаго.

Высочайшимъ приказомъ 28 ноября 1900 года В. М. Лазаревскій былъ назначенъ начальникомъ управленія земледѣлія и государственныхъ имуществъ въ

*****) Занимст'в. изъ. ст. „Инородческія школы въ Западной Европѣ и Соединенныхъ Штатахъ". (*Нов. Врем* отъ 20 іюля 1908 г., за № 11621).

*****) Желающіе имѣть представленіе о русско туземныхъ школахъ и мактабахъ могутъ прочитать объ этомъ въ моей книгѣ „Сарты" изд. 3, 1908 г,

быть для Туркестана необходимо сдѣлать еще какія-нибудь дополненія. На дѣлѣ же вышло слѣдующее: въ Россіи остался прежній законъ 1892 г., а Туркестанъ существуетъ безъ охотничьяго закона и по сіе время.

А между тѣмъ вопросъ можно рѣшить очень просто, распространивъ на Туркестанъ дѣйствующій въ Россіи законъ объ охотѣ, изд. 1892 г., съ измѣненіемъ лишь ст. 337, въ которой говорится о запретныхъ срокахъ.

Статью эту, въ виду разнообразія въ климатическихъ условіяхъ края, можно было бы раздѣлить на 3 пункта, а именно: п. а) запретные сроки для Закаспійской области, п. б) запретные сроки для Семирѣченской области и п. в) запретные сроки для остальныхъ 3 коренныхъ областей Туркестана. Самые сроки могутъ быть выработаны охотничьими обществами края, у которыхъ есть уже на сей предметъ правила и за которыми, надо полагать, дѣло не станетъ.

Остается закончить пожеланіемъ о скорѣйшемъ введеніи въ краѣ правильной охоты.

П. Т.

КЪ ВОПРОСУ

объ инородческомъ образованіи въ Россіи.

Въ Государственной Думѣ недавно разсматривался законопроектъ объ ассигнованіи необходимыхъ средствъ для введенія преподаванія польскаго языка въ польскихъ учительскихъ семинаріяхъ, и этотъ частный вопросъ вызвалъ такіе дебаты и разсужденія на общую тему объ инородческомъ образованіи въ Россіи, что, можно думать, не скоро еще оно получитъ свое окончательное направленіе и устройство.

При разсмотрѣніи этого вопроса въ Государственномъ Совѣтѣ вновь возникли такіе страстные и горячіе дебаты и обнаружилась такая разница во взглядахъ даже на основные принципы дѣла инородческаго образованія, что едва-ли возможно надѣяться на скорое и окончательное разрѣшеніе этого важнѣйшаго вопроса русской жизни даже съ принципіальной точки зрѣнія.

Въ чемъ же тутъ дѣло и почему такой, повидимому, простой и ясный вопросъ вызываетъ такіе волненія и споры при всякой попыткѣ къ практическому разрѣшенію его? Причины эти лежатъ, несомнѣнно, въ томъ недовѣріи, которое развилось, съ одной стороны, у русскаго правительства въ отношеніи представителей инородческихъ народностей, которыя подозрѣваются въ сепаративныхъ стремленіяхъ и въ желаніи пользоваться для своихъ цѣлей народными школами и проводить чрезъ посредство ихъ свои политическіе взгляды; съ другой стороны, въ такомъ же недовѣріи этихъ дѣятелей къ русскому правительству, подозрѣвающихъ его въ стремленіи руссифицировать инородческія племена Россіи и совершенно уничтожить ихъ національныя и религіозныя особенности. При такой взаимной подозрительности всякія благія стремленія и начинанія одной стороны заранѣе вызываютъ недовѣріе, опасенія и даже противодѣйствіе другой стороны, и дѣло инородческаго образованія страдаетъ отъ этого въ ущербъ не только интересовъ самихъ инородцевъ, но и общегосударственныхъ.

Если устранить изъ этого вопроса всякую политику, которая совершенно не должна имѣть мѣста въ дѣлѣ начальнаго образованія, и разсматривать его съ чисто культурной точки зрѣнія, постановка инородческаго образованія будетъ проста и ясна. Въ самомъ дѣлѣ, какія основныя задачи должно преслѣдовать это образованіе? Прежде всего, конечно, какъ и всякое образованіе, оно должно стремиться къ общему развитію дѣтей, къ правильному развитію ихъ духовныхъ способностей, къ воспитанію ихъ въ современныхъ культурныхъ понятіяхъ окружающей среды и къ сообщенію имъ правильныхъ идей и полезныхъ знаній. Эти цѣли составляютъ основную задачу всякой начальной школы и, несомнѣнно, лучше и скорѣе достигаются при помощи

родного, материнскаго языка учащихся, если только онъ настолько развитъ и обработанъ въ литературномъ и научномъ отношеніи, что не встрѣтится препятствій къ правильной постановкѣ при посредствѣ его начальнаго образованія. Къ этой основной задачѣ въ дѣлѣ образованія инородцевъ присоединяется и другая задача, важная и необходимая въ цѣляхъ общеобразовательныхъ, практическихъ и государственныхъ,—научить дѣтей инородцевъ государственному русскому языку, который для всей Имперіи является языкомъ высшей культуры и гражданственности. Ни одна почти народность, изъ числа населяющихъ Россію племенъ, не имѣетъ такого совершеннаго въ научномъ и литературномъ отношеніи языка, при помощи котораго возможно было бы получить полное не только среднее, но и высшее образованіе; поэтому всѣ лица, желающія воспользоваться плодами этого образованія въ Россіи, по необходимости должны изучать русскій языкъ, чтобы при помощи его закончить свое образованіе. Затѣмъ, всѣ законы и правительственныя распоряженія Имперіи излагаются на русскомъ языкѣ; онъ введенъ во всѣхъ правительственныхъ институтахъ, въ административныхъ учрежденіяхъ, въ судахъ, войскахъ, на почтѣ, въ банкахъ, казначействахъ и т. д. и во всѣхъ болѣе или менѣе значительныхъ частныхъ, торговыхъ и промышленныхъ предпріятіяхъ; и, конечно, не теперь, когда сотни лѣтъ такой порядокъ существуетъ и время укрѣпило его, не теперь возбуждать вопросъ о нарушеніи этого основного принципа русской жизни, на которомъ зиждется цѣлость и недѣлимость всей Русской Имперіи. Такимъ образомъ, всякому инородцу, желающему широко и безпрепятственно пользоваться своими правами, какъ русскаго подданнаго и гражданина, необходимо знать общегосударственный русскій языкъ, чтобы не очутиться въ положеніи глухонѣмого среди многомилліоннаго русскаго населенія Имперіи. Эту мысль прекрасно выразилъ одинъ изъ польскихъ депутатовъ на одномъ изъ засѣданій Государственной Думы, заявивъ, что, если бы русское правительство воспретило польскому населенію изучать русскій языкъ, оно стало-бы тайно учиться ему.

И въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ могла-бы получить свое образованіе вся та масса евреевъ, татаръ, армянъ, киргизовъ и другихъ національностей, населяющихъ Россію, которыхъ мы видимъ теперь на равныхъ поприщахъ государственной и общественной жизни, если-бы они своевременно не позаботились изучить русскій языкъ и не получили при помощи его надлежащаго образованія? Какой фанатикъ изъ нихъ будетъ доказывать мысль о возможности и необходимости организаціи не только средняго, но и высшаго образованія при посредствѣ ихъ родныхъ нарѣчій? И въ стремленіяхъ русскаго правительства къ распространенію знаній русскаго языка среди инородческаго населенія Имперіи, если отбросить всякую политику и предвзятыя мысли, нужно усматривать прежде всего его заботы о благѣ этого населенія, а не искать какихъ-то заднихъ и скрытыхъ цѣлей.

Такимъ образомъ, въ дѣлѣ организаціи инородческаго образованія нужно различать два существенно важныхъ и необходимыхъ элемента: образованіе на родномъ языкѣ учащихся и изученіе русскаго языка. Обѣ эти задачи на столько важны и необходимы, что нельзя ни одну изъ нихъ низводить на второстепенное мѣсто и подчинять одну другой, заставлять играть роль только вспомогательную, служебную; какъ та, такъ и другая задача въ правильно поставленной начальной инородческой школѣ должна достигаться возможно полнѣе, совершеннѣе и независимо одна отъ другой.

Разсмотримъ, какими средствами и способами возможно наилучшее достиженіе этихъ задачъ, каждой въ отдѣльности и одновременно обѣихъ вмѣстѣ.

Дѣло изученія роднаго языка и родной

грамоты, по необходимости, приходится организовать въ соотвѣтствіи съ тѣми взглядами и привычками, которыя установились и издавна укоренились среди мѣстнаго населенія. Бытовыя и религіозныя требованія, предъявляемыя къ дѣлу воспитанія и начальнаго образованія дѣтей, у каждаго народа и каждаго племени настолько прочны и опредѣленны, что никакая власть не можетъ измѣнить ихъ насильственнымъ путемъ въ короткое время; только постепенное проникновеніе общекультурнаго развитія въ народную среду въ состояніи измѣнить ея взгляды на постановку начальнаго образованія. Въ особенности-же такая привычка и нетерпимость ко всякимъ реформамъ въ этомъ дѣлѣ крѣпки въ средѣ малообразованной народной массы, которая нерѣдко съ фанатизмомъ отстаиваетъ не только самую сущность дѣла воспитанія и образованія своихъ дѣтей, но даже и тѣ внѣшнія формы его, въ которыя оно случайно облеклось и которыя поддерживаются лишь силой привычки и традицій. И особенно осторожно нужно приниматься за какія либо реформы этого дѣла въ виду того, что чаще всего оно бываетъ тѣсно связано съ дѣломъ религіи населенія, такъ что въ покушеніяхъ на реорганизацію своей школы оно нерѣдко видитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и попытки къ измѣненію или ослабленію своей вѣры. Поэтому съ особой осторожностью слѣдуетъ приниматься за организацію начальной инородческой школы и устраивать ее, по возможности, въ соотвѣтствіи съ укоренившимися взглядами на нее самого населенія. Заранѣе можно предвидѣть, что оно будетъ противиться не только крупной ломкѣ строя издавна существующихъ своихъ школъ и неохотно будетъ замѣнять ихъ даже безусловно лучшими и болѣе совершенными, но съ трудомъ также допуститъ замѣну своихъ, можетъ быть, мало опытныхъ и необразованныхъ учителей иновѣрцами, хотя-бы послѣдніе были неизмѣримо болѣе культурны и способны въ дѣлѣ обученія.

Основныя требованія общаго образованія и педагогики, такимъ образомъ, придется здѣсь нерѣдко приносить въ жертву привычкамъ и симпатіямъ самого населенія, и всякія нововведенія и реформы проводить лишь постепенно и настолько тактично, чтобы не возбудить къ нимъ недовѣрія. Поэтому естественнѣе всего поручить это дѣло учителямъ изъ среды самого населенія и прежде всего озаботиться подготовкой достаточнаго кадра ихъ; въ случаяхъ-же, недостатка такихъ лицъ, допускать временно къ преподаванію роднаго языка и родной грамоты и лицъ, не имѣющихъ учительскаго ценза, но удовлетворяющихъ требованіямъ самого населенія и способныхъ вести это дѣло соотвѣтственно установившейся практикѣ мѣстныхъ школъ: если при помощи такихъ лицъ и нельзя будетъ поставить школу сразу на должную высоту, то все-же такая постановка будетъ удовлетворять потребности населенія, которое будетъ въ довѣріемъ относиться къ ней; и въ такой школѣ, если не при помощи роднаго языка, то при посредствѣ русскаго, обученіе которому должно находиться въ рукахъ хорошо подготовленныхъ учителей, учащіеся получатъ необходимыя знанія и развитіе. При такихъ условіяхъ, когда дѣло обученія родной грамотѣ будетъ организовано въ соотвѣтствіи съ взглядами на него самого населенія и поручено избраннымъ изъ среды его учителямъ, исчезнетъ само собою всякое недовѣріе къ правительственному надзору и вмѣшательству въ эти школы и со временемъ само населеніе увидитъ въ правительственныхъ мѣропріятіяхъ лишь то, что и должно существовать на самомъ дѣлѣ,—стремленіе къ улучшенію и культурному совершенствованію этихъ школъ. Опасенія за какую-либо политическую агитацію при посредствѣ этихъ школъ и распространеніе при помощи ихъ сепаративныхъ стремленій и антигосударственныхъ ученій не имѣютъ за собой достаточныхъ основаній, такъ какъ, во-первыхъ, бы

ло бы неестественно и противно здравому смыслу вносить какую либо политику въ дѣло начальнаго обученія, а, во-вторыхъ, слѣды такой политики, если-бы она имѣла гдѣ-нибудь мѣсто въ дѣйствительности, всегда легко обнаружатся въ начальной школѣ среди малолѣтнихъ дѣтей, и правительственный надзоръ всегда своевременно можетъ и долженъ устранить такія уродливыя явленія изъ жизни начальной школы, будетъ-ли она русская, или инородческая.

Другой вопросъ—относительно размѣра того культурнаго развитія и знаній, которыхъ возможно достигнуть при помощи обученія на родномъ языкѣ учащихся,—имѣетъ болѣе важное значеніе. Результаты этихъ занятій будутъ находиться прежде всего въ зависимости отъ степени развитія и культурности самого населенія и того нарѣчія, которымъ оно пользуется. Если, съ одной стороны, западные инородцы владѣютъ такими культурными нарѣчіями, что на нихъ возможно обосновать не только правильное начальное образованіе, но также среднее и даже высшее,—то, съ другой стороны, въ Россіи не мало и такихъ инородцевъ, которые совсѣмъ не обладаютъ письменностью и языку которыхъ совершенно чужды какіе-либо научные и литературные термины; какое образованіе возможно дать при посредствѣ этихъ нарѣчій и какую задачу должно преслѣдовать правительство въ отношеніи этихъ школъ? Должно-ли оно озаботиться развитіемъ и усовершенствованіемъ этихъ нарѣчій, съ цѣлью обосновать на нихъ болѣе правильное начальное образованіе, или-же, отказавшись отъ этой непосильной задачи, сосредоточить свое особенное вниманіе на распространеніи среди этихъ народностей правильнаго образованія при посредствѣ общегосударственнаго русскаго языка? Надлежащій отвѣтъ на этотъ вопросъ не затруднится дать всякій безпристрастный человѣкъ, не зараженный какими-либо политически-сепаративными стремленіями. Въ самомъ дѣлѣ, желательно-ли въ какихъ бы то ни было, интересахъ—общечеловѣческихъ, государственныхъ или общественныхъ, при посредствѣ государственной власти искусственно развить и обработать научно и литературно всѣ мѣстныя нарѣчія, которыми пользуются многочисленныя народности, населяющія обширную Русскую Имперію, и выполнима-ли такая задача на самомъ дѣлѣ? Если все человѣчество не мало уже страдаетъ отъ того, что по волѣ историческихъ судебъ на земномъ шарѣ развилось и распространилось такое множество различныхъ языковъ и нарѣчій, сильно препятствующихъ сношеніямъ людей, ихъ развитію и культурному совершенствованію, и уже давно возникла мысль о необходимости изобрѣтенія и распространенія одного общаго культурнаго языка между всѣми современными культурными народами,—то къ какой цѣли должна стремиться совершенно противоположная попытка—развить, усовершенствовать, укрѣпить и распространить даже ничтожныя нарѣчія населяющихъ Россію незначительныхъ племенъ? Въ такомъ дѣяніи еще можно бы усмотрѣть какой-нибудь смыслъ, если имѣть въ виду конечной цѣлью такой попытки распаденіе Имперіи на множество незначительныхъ федеративныхъ государствъ, жители которыхъ были бы объединены однимъ нарѣчіемъ; но и такой парадоксальный успѣхъ былъ бы ничтоженъ и непродолжителенъ, такъ какъ, несомнѣнно, при такой политической организаціи, когда никакая могучая сила и власть не будетъ поддерживать и охранять слабѣйшія племена, всякая самостоятельность ихъ будетъ поглощена и уничтожена болѣе сильными и могучими организаціями. Во всякомъ случаѣ, едва-ли здраво мыслящій человѣкъ будетъ защищать такую идею, осуществленіе которой повело-бы лишь къ распаду могущественной Имперіи и уничтоженію всякой самобытности слабѣйшихъ племенъ ея. Если современныя условія цивилизаціи и культуры не позволяютъ имперской

власти налагать руку на религію и языкъ входящихъ въ составъ Имперіи отдѣльныхъ народностей и допускаютъ свободное исповѣданіе каждой народностью своей вѣры и пользованіе своимъ роднымъ языкомъ,—то изъ этого еще не слѣдуетъ, что эта терпимость должна быть превращена въ обязательство поддерживать и укрѣплять эти національныя особенности каждаго племени правительственной властью и за счетъ общегосударственныхъ средствъ, въущербъ общегосударственнымъ интересамъ и цѣлямъ культурнаго развитія страны. И, съ другой стороны, что выиграли бы даже эти племена и народности отъ такой постановки дѣла? Сосредоточивъ все свое вниманіе и силы на самобытномъ развитіи какой-нибудь бурятской или якутской народности и игнорируя задачу пріобщенія ихъ къ общекультурной государственной жизни,—какую услугу оказало-бы правительство этимъ самымъ народностямъ? И когда-бы они достигли возможности получить при посредствѣ своего роднаго языка какую-либо культурность и развитіе? То-же самое замѣчаніе приложимо и ко всѣмъ другимъ населяющимъ Россію народностямъ—татарамъ, киргизамъ, евреямъ армянамъ, грузинамъ и т. д.; не въ самобытномъ развитіи и распространеніи ихъ нарѣчій государство и онѣ сами должны искать источникъ и залогъ своего развитія и культурнаго совершенствованія, но въ возможно болѣе скоромъ и полномъ усвоеніи общеимперскаго русскаго языка, болѣе совершеннаго въ культурномъ отношеніи, общераспространеннаго въ Имперіи и необходимаго для сохраненія цѣлости, единства и могущества русскаго государства. Весь ходъ исторіи развитія народовъ и культуры доказываетъ общее положеніе, что развитіе это всегда шло не путемъ децентрализаціи, распространенія и развитія отдѣльныхъ народностей и ихъ нарѣчій, но путемъ сліянія ихъ въ одно цѣлое обширное государство, объединенное не только общими законами и властью, но и однимъ общегосударственнымъ языкомъ. И гдѣ вы теперь найдете слѣды нарѣчій древнихъ кимвровъ, тевтоновъ, галловъ, кельтовъ и норманновъ, которые совершенно вымерли и замѣнились общераспространенными нѣмецкимъ, французскимъ и англійскимъ языками, составляющими перлъ современной цивилизаціи и основу величія и богатства входящихъ въ составъ этихъ государствъ племенъ и народовъ.

Такимъ образомъ, относительно постановки изученія роднаго языка и родной грамоты въ инородческихъ школахъ можно установить два положенія: съ одной стороны, нельзя отказывать каждой народности и каждому племени въ естественномъ желаніи изучать свой языкъ и свою родную грамоту и при посредствѣ ихъ воспринимать возможное культурное развитіе и пріобрѣтать полезныя знанія; съ другой, въ кругъ обязанностей государства и правительственной власти совсѣмъ не должна входить задача искусственно развивать и возможно широко распространять эти нарѣчія, такъ какъ такое направленіе дѣла шло-бы въ разрѣзъ съ общегосударственными задачами и не достигало-бы въ полной мѣрѣ основной задачи образованія инородцевъ—скорѣйшаго и возможно полнаго пріобщенія ихъ къ жизни современныхъ культурныхъ народовъ.

Практическій выводъ изъ этого тотъ, что не слѣдуетъ стѣснять каждую народность въ дѣлѣ организаціи начальнаго обученія своихъ дѣтей родному языку и родной грамотѣ; слѣдуетъ только слѣдить за общественной безопасностью этихъ училищъ, не допускать здѣсь распространенія антигосударственныхъ началъ и нетерпимаго религіознаго фанатизма, какихъ либо пороковъ и безнравственности и въ то-же время оказывать возможное содѣйствіе къ направленію этихъ занятій въ соотвѣтствіи съ задачами общекультурнаго развитія и общечеловѣческими вѣчными идеалами правды, добра и красоты. Школа не должна быть ни ареной для политической дѣятельности,

ни кафедрой для проповѣди религіознаго фанатизма; никакія антигосударственныя и антикультурныя начала не должны имѣть здѣсь мѣсто; проповѣдь политической борьбы, племенной обособленности и религіозной нетерпимости также недопустимы въ начальной школѣ, какъ недопустимы въ ней воспитаніе въ дѣтяхъ чувствъ вражды и ненависти, лжи и обмана и всякихъ порочныхъ и злыхъ наклонностей. Какіе результаты можетъ дать та или иная инородческая школа въ научно культурномъ отношеніи, это будетъ зависѣть больше всего отъ частныхъ условій жизни даннаго племени: отъ степени его культурнаго развитія, отъ большаго или меньшаго совершенства употребляемаго имъ нарѣчія, отъ природныхъ и бытовыхъ условій жизни народа, отъ его привычекъ, взглядовъ и традицій и т. д. Время и опытъ, несомнѣнно, будутъ совершенствовать эту школу и направлять ее по пути культурнаго развитія, вмѣстѣ съ развитіемъ самого народа; но на первое время необходимо болѣе всего въ дѣлѣ устройства ея сообразоваться съ воззрѣніями и потребностями самого народа, чѣмъ съ педагогическими идеалами школьной жизни. Роль правительственныхъ организаторовъ и руководителей начальной инородческой школы въ отношеніи постановки дѣла обученія родному языку и грамотѣ на первое время должна ограничиться, главнымъ образомъ, наблюденіемъ за недопущеніемъ въ ней указанныхъ выше отрицательныхъ началъ, при существованіи которыхъ школа будетъ служить не разсадникомъ общечеловѣческой культуры и знаній, но очагомъ умственнаго и нравственнаго разврата дѣтей. Положительныя-же реформы и усовершенствованія въ этомъ дѣлѣ возможно проводить лишь медленнымъ и постепеннымъ путемъ, и не иначе, какъ при согласіи на то со стороны представителей самого населенія; иначе правительственная школа не завоюетъ къ себѣ довѣрія и симпатій со стороны послѣдняго, и вліяніе ея на развитіе народныхъ массъ будетъ ничтожно.

Поэтому агентамъ русскаго правительства нужно быть въ высшей степени тактичными и осторожными въ дѣлѣ руководительства и наблюденія за постановкой инородческаго образованія, чтобы, съ одной стороны, не нарушить вѣковыхъ привычекъ населенія къ создавшемуся строю и внѣшнимъ формамъ своей школы и безъ надобности не налагать на нихъ своей властной руки, а, съ другой, чтобы не допустить въ этихъ школахъ проявленія и развитія тѣхъ антикультурныхъ и противогосударственныхъ началъ, о которыхъ было выше сказано. Стремленіе каждой народности сохранить свою школу на родномъ языкѣ и въ томъ видѣ, въ какомъ она издавна укоренилась среди населенія, также естественно, какъ естественно желаніе сохранить свою вѣру и обычаи, установившіяся формы семейныхъ и общественныхъ отношеній, свою домашнюю обстановку и одежду—вообще всѣ свои бытовыя привычки и привязанности. Всякое насиліе въ этомъ дѣлѣ и настойчивыя требованія намѣченныхъ реформъ только замедлятъ естественный ходъ развитія народа, вызвавъ со стороны населенія недовѣріе и недовольство и заставивъ его упорно сопротивляться этимъ реформаторскимъ попыткамъ со всѣмъ упорствомъ, на какое способны малокультурныя племена. Только время и опытъ жизни, пути естественнаго развитія народовъ помогутъ измѣнить существующій издавна обычный строй жизни этихъ школъ и сдѣлать ихъ болѣе совершенными и культурными.

Другой вопросъ—относительно обученія дѣтей инородцевъ русскому языку—стоитъ гораздо проще. Имѣя въ виду прямую задачу этихъ занятій—возможно полнѣе научить дѣтей общегосударственному русскому языку, чтобы при помощи его пріобщить ихъ ко всѣмъ благамъ культурной жизни и предоставить имъ возможность широко пользоваться этими знаніями для продолженія своего образованія и цѣлей практическихъ, занятія эти необходимо съ самаго начала поста-

вить возможно широко и совершенно, при томъ независимо отъ обученія языку и родной грамотѣ; всякое смѣшеніе этихъ двухъ основныхъ задачъ ведетъ прежде всего къ недовѣрію со стороны населенія, которое всегда склонно заранѣе предполагать, что дѣло изученія русскаго языка организуется за счетъ изученія роднаго языка и родной грамоты; и въ дѣйствительности, оно нерѣдко имѣетъ полныя основанія къ такому недовѣрію, такъ какъ назначаемые правительственной властью учителя далеко не всегда имѣютъ достаточную подготовку для успѣшнаго веденія занятій по обученію дѣтей родному языку и нерѣдко ставятъ эти занятія на второй планъ, игнорируютъ ихъ, употребляя большую часть положеннаго на занятія времени на занятія русскимъ языкомъ. Съ другой стороны учителя-инородцы, хотя и получившіе достаточное образованіе и необходимыя знанія русскаго языка, естественно, болѣе тяготѣютъ къ занятіямъ на родномъ языкѣ и часто ведутъ ихъ и за счетъ русскаго языка, что вызываетъ понятное неудовольствіе и неодобреніе со стороны руководителей и наблюдателей за школьнымъ дѣломъ. При совершенно самостоятельномъ и обособленномъ веденіи тѣхъ и другихъ занятій эти нареканія не будутъ имѣть мѣста, и обѣ основныя задачи начальной инородческой школы будутъ достигаться болѣе полно и совершенно. На практикѣ, при смѣшеніи тѣхъ и другихъ занятій и сосредоточеніи ихъ въ рукахъ одного и того-же учителя, нерѣдко бываетъ, что трудно найти такихъ учителей, которые одинаково хорошо могли-бы вести тѣ и другія занятія; чаще бываетъ такъ, что одинъ учитель хорошо владѣетъ роднымъ нарѣчіемъ учащихся и можетъ успѣшно вести обученіе родной грамотѣ, но слабъ въ русскомъ языкѣ, а другой, напротивъ, хорошо можетъ преподавать русскій языкъ, но слабъ въ туземныхъ нарѣчіяхъ. Самостоятельное веденіе въ одной и той же школѣ того и другого предмета существенно необходимо для правильной организаціи занятій; тогда не будетъ смѣшенія времени и программъ обученія, устранится недовѣріе и подозрительность родителей учащихся, будетъ предоставленъ болѣе свободный выборъ учителей для этихъ школъ, дѣло обученія приметъ болѣе правильную организацію и поднимутся успѣхи занятій. Тогда не нужно будетъ искусственно связывать дѣло изученія русскаго языка съ туземной грамотой и вести его въ зависимости отъ послѣдней, или, обратно, располагать изученіе родной грамоты въ цѣляхъ скорѣйшаго усвоенія русскаго языка, причемъ будутъ страдать оба предмета: занятія родной грамотой получатъ только второстепенное, служебное значеніе, а русскій языкъ будетъ изучаться, какъ мертвый, книжный языкъ, не имѣющій практическаго значенія и примѣненія въ жизни. При совершенно-же самостоятельной постановкѣ занятій возможно будетъ обученіе родной грамотѣ поставить въ соотвѣтствіи съ установившимися требованіями къ этому предмету со стороны мѣстнаго общества и обученіе русскому языку довести до свободнаго пониманія его и до возможности пользоваться имъ какъ для дальнѣйшаго образованія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, такъ и для многочисленныхъ потребностей практической жизни. Живая русская рѣчь, чтеніе и письмо по-русски должны быть предметомъ изученія въ инородческой школѣ съ самаго начала поступленія дѣтей въ нее; только при этихъ условіяхъ къ концу обученія они могутъ овладѣть этимъ языкомъ настолько, чтобы получить отъ него практическую пользу для жизни; недостаточное же грамматическое и книжное усвоеніе его не принесетъ имъ никакой существенной пользы и только вызоветъ естественное отвращеніе отъ этихъ скучныхъ, тяжелыхъ и безполезныхъ занятій. Въ тѣхъ инородческихъ училищахъ, въ которыхъ природный языкъ учащихся мало развитъ въ культурномъ отношеніи и основная задача изученія родной грамоты преслѣдуетъ преимуще-

ственно религіозныя цѣли, въ этихъ училищахъ культурное развитіе учащихся должно быть сосредоточено на урокахъ русскаго языка; только при посредствѣ его и возможно въ этихъ школахъ сообщить дѣтямъ основныя начала общаго образованія и научно - культурныхъ знаній, если при изученіи родной грамоты невозможно достигать этихъ цѣлей. Опытъ показалъ, что при правильной организаціи уроковъ русскаго языка эти цѣли являются вполнѣ достижимыми въ четырехлѣтній періодъ занятій, а потому нѣтъ основаній сомнѣваться въ возможности совмѣщенія этихъ двухъ основныхъ задачъ обученія въ начальной инородческой школѣ. Конечно, всякій успѣхъ занятій возможенъ только при свободномъ желаніи учиться; всякое принужденіе и насиліе здѣсь вызовутъ только недовѣріе къ школѣ и отвращеніе отъ занятій въ ней, при которыхъ невозможенъ никакой успѣхъ дѣла. Но сама жизнь и забота о собственномъ благополучіи должна заставить и дѣйствительно заставляетъ искать этихъ знаній, и дѣло правительства заключается только въ правильномъ устройствѣ и организаціи такой школы, снабженія ея достаточно подготовленными учителями и всѣми орудіями для болѣе скораго и успѣшнаго обученія, но не требуетъ никакихъ репрессій и насилія для привлеченія въ нее дѣтей инородцевъ. При хорошей организаціи и правильной постановкѣ дѣла обученія само населеніе быстро оцѣнитъ заботы правительства о его просвѣщеніи и снабдитъ открытыя имъ школы учащимися въ такомъ количествѣ, что весьма скоро въ нихъ не будетъ достаточно мѣста, чтобы принять всѣхъ, желающихъ учиться.

Итакъ, для правильной постановки дѣла начальнаго образованія въ начальной инородческой школѣ необходимо совмѣстить два требованія: поставить обученіе родному языку и родной грамотѣ соотвѣтственно современнымъ потребностямъ и взглядамъ на это дѣло самого населенія и, независимо отъ этого, правильно организовать обученіе живому русскому языку и русской грамотѣ. По видимому, обѣ эти задачи давно уже были сознаны, такъ какъ уже законъ 1870 года указываетъ на нихъ; но на самомъ дѣлѣ инородческая школа въ Россіи до сего времени имѣла очень малый успѣхъ; болѣе того,—до сего времени остаются далеко невыясненными даже основные взгляды на ея задачи и организацію. Чѣмъ-же объяснить такое явленіе и какія были допущены на практикѣ ошибки, по причинѣ которыхъ и до сего времени заботы русскаго правительства о правильной организаціи инородческой школы не встрѣчаютъ того сочувствія и поддержки со стороны населенія, которыхъ они, казалось бы, вполнѣ заслуживали?

Причинъ этихъ нѣсколько и каждая изъ нихъ имѣетъ весьма важное значеніе.

Прежде всего было-бы совершенно наивно и ошибочно думать, что русскіе инородцы, особенно же наименѣе культурные изъ нихъ, быстро оцѣнятъ пользу просвѣщенія и поймутъ необходимость воспитывать и обучать своихъ дѣтей въ государственной школѣ; если коренной русскій народъ до сего времени относится къ дѣлу народнаго образованія по меньшей мѣрѣ индифферентно, то можно-ли ожидать другого отношенія къ этому дѣлу со стороны менѣе культурныхъ инородцевъ? Затѣмъ, нужно не забывать и того обстоятельства, что русская правительственная власть для многихъ изъ нихъ является чуждою не только по языку, но и по вѣрѣ; очевидно, на полное довѣріе къ ней со стороны инородческаго населенія трудно разсчитывать съ самаго начала въ такомъ дѣлѣ, какъ воспитаніе и образованіе дѣтей. Если въ сферѣ чисто русской школы до сего времени не прекратились пререканія и споры относительно правильности направленія и сравнительнаго достоинства земской и церковно приходской школы и нерѣдко можно встрѣтить людей, съ недовѣріемъ относящихся къ той или другой, то можно ли было разсчитывать на полное довѣріе къ русской правительственной

школѣ со стороны инородческаго населе нія съ самаго начала ея существованія?

Затѣмъ нельзя не признать и того обстоятельства, что при организаціи и распространеніи этихъ школъ нерѣдко допускались такія ошибки и нетактичности, которыя могли только усилить недовѣріе къ нимъ со стороны инородческаго населенія; нерѣдко открытіе правительственныхъ школъ сопровождалось насильственнымъ закрытіемъ существовавшихъ до того времени инородческихъ училищъ; производились насильственныя преобразованія и ломка послѣднихъ, вопреки желаніямъ и потребностямъ самого населенія; практиковался и принудительный способъ заполненія вновь открываемыхъ школъ учащимися и т. п. Все это, конечно, вселяло еще большее недовѣріе къ нимъ со стороны населенія. Затѣмъ сама организація занятій въ нихъ весьма часто страдала важными и существенными недостатками; чаще всего въ нихъ игнорировалось или даже совсѣмъ устранялось обученіе родной грамотѣ и религіозное воспитаніе учащихся; постановка обученія русскому языку нерѣдко была настолько плоха, что дѣти не въ состояніи были усваивать его въ начальной школѣ на столько, чтобы потомъ практически воспользоваться этими знаніями въ жизни. Руководительство и управленіе этими школами иногда поручалось такимъ лицамъ, которыя совсѣмъ не хотѣли считаться съ настроеніемъ мѣстнаго населенія и съ его естественными желаніями стать къ этимъ школамъ въ возможно близкія и родственныя отношенія; предполагалось, что правительственныя распоряженія и административное управленіе этими школами совершенно достаточны для того, чтобы гарантировать правильное устройство ихъ и обезпечить успѣшный ходъ обученія, и всякія заявленія и критика этихъ школъ со стороны населенія разсматривались, какъ неумѣстное вмѣшательство и оскорбительное недовѣріе къ русской власти. Въ дѣлѣ укрѣпленія и развитія этихъ школъ чаще всего полагались не столько на народное сознаніе и практическую ихъ пользу, сколько на административное усмотрѣніе и воздѣйствіе правительственной власти. Доброе и благожелательное дѣло—устройство и распространеніе среди инородческаго населенія болѣе совершенной школы—въ дѣйствительности иногда превращалось въ тяжелую нравственную и матеріальную повинность, налагаемую вопреки волѣ и желаніямъ самого населенія. Очевидно, при такой организаціи народной школы она не могла завоевать къ себѣ довѣрія и сочувствія со стороны этого населенія, и такой путь только дискредитировалъ это великое и полезное дѣло и тормозилъ естественный ходъ его развитія.

Слѣды такого ненормальнаго положенія дѣла инородческаго образованія можно найти даже въ тѣхъ законоположеніяхъ, которыя изданы по этому вопросу для различныхъ мѣстностей Имперіи. Здѣсь прежде всего бросается въ глаза то обстоятельство, что для каждой мѣстности существуютъ особыя положенія, на основаніи которыхъ должно устраиваться дѣло народнаго образованія; такъ, существуютъ особыя положенія для устройства народнаго образованія въ Царствѣ Польскомъ, въ Прибалтійскомъ краѣ, на Кавказѣ, въ юго-западномъ краѣ, въ Виленскомъ округѣ, въ Туркестанскомъ краѣ и другихъ мѣстностяхъ Имперіи. Такое обиліе отдѣльныхъ законовъ и положеній невольно наводитъ на мысль, съ одной стороны, объ отсутствіи или недостаткѣ въ этомъ вопросѣ такихъ принципіальныхъ, руководящихъ положеній, которыя достаточно опредѣляли-бы его для всей Имперіи, а, съ другой стороны, такое обиліе отдѣльныхъ положеній, выработанныхъ примѣнительно къ условіямъ жизни данной мѣстности, заранѣе заставляетъ предполагать вмѣстѣ съ тѣмъ и обиліе такихъ детальныхъ требованій и указаній, которыя могутъ только стѣснить правильную организацію дѣла и препятствовать его развитію и распространенію; жизнь бы-

стро идетъ впередъ и мѣстныя условія ея часто мѣняются; поэтому въ отношеніи организаціи дѣла народнаго образованія желательно было-бы имѣть лишь опредѣленныя и ясныя руководящія указанія и предоставить детальную разработку ихъ и примѣненіе къ дѣлу мѣстнымъ руководителямъ, которые при этихъ условіяхъ лучше могутъ примѣняться къ частнымъ обстоятельствамъ и условіямъ мѣстной жизни.

Болѣе общій взглядъ на устройство образованія инородцевъ и инородческихъ школъ мы находимъ въ Высочайше утвержденныхъ 26 марта 1870 года правилахъ о мѣрахъ къ образованію инородцевъ, населяющихъ восточную и юго восточную Россію. Правила эти касаются образованія инородцевъ христіанъ и татаръ магометанъ. Основныя положенія для первыхъ школъ слѣдующія: 1) начальныя школы для инородцевъ-христіанъ должны имѣть цѣлью религіозно-нравственное образованіе и утвержденіе въ православной вѣрѣ и ознакомленіе съ русскимъ языкомъ; 2) общимъ для всѣхъ этихъ школъ должно быть слѣдующее: а) орудіемъ для первоначальнаго обученія для каждаго племени должно быть родное нарѣчіе его; б) учителя инородческихъ школъ должны быть изъ среды соотвѣтствующаго племени, инородцы и при томъ хорошо знающіе русскій языкъ, или-же русскіе, владѣющіе соотвѣтствующимъ инородческимъ нарѣчіемъ. Затѣмъ правила подраздѣляются: а) для дѣтей весьма мало обрусѣлыхъ и почти незнающихъ русскаго языка; въ нихъ преподаваніе совершается на инородческихъ нарѣчіяхъ; учебными книгами служатъ букварь, необходимыя молитвы, краткіе разсказы изъ Священной исторіи и религіозно-нравственныя книги; всѣ эти книги печатаются на инородческомъ нарѣчіи русскими буквами, съ переводомъ или безъ перевода на русскій языкъ; въ то-же время дѣти, при помощи мѣстныхъ нарѣчій, обучаются русскому разговорному языку посредствомъ наглядnаго обученія, а затѣмъ переходятъ къ изученію русской грамоты и счисленія; б) въ мѣстностяхъ съ населеніемъ смѣшаннымъ изъ природныхъ русскихъ и инородцевъ учреждаются общія для тѣхъ и другихъ училища, если нужно, то съ приготовительными отдѣленіями; в) для достаточно обрусѣлыхъ инородцевъ школы учреждаются на общихъ для другихъ училищъ основаніяхъ. Въ отношеніи татаръ-магометанъ правила рекомендуютъ распространеніе русскаго языка и образованія, съ устраненіемъ всѣхъ такихъ мѣръ, которыя могли-бы породить въ нихъ опасенія въ посягательствѣ правительства на отклоненіе дѣтей отъ ихъ вѣры. Въ видахъ достиженія главной и единственной цѣли—распространенія между татарами магометанами русскаго языка и образованія—правила рекомендуютъ учреждать училища и обученіе въ нихъ вести примѣнительно къ порядку, указанному въ отношеніи инородцевъ-христіанъ, мало или недостаточно обрусѣлыхъ; татарамъ предоставляется принимать въ эти училища на свой счетъ законоучителей своей вѣры. Затѣмъ правила рекомендуютъ для облегченія поступленія дѣтей татаръ въ общія училища учрежденіе при этихъ училищахъ приготовительныхъ классовъ, съ единственной цѣлью научения ихъ дѣтей русскому разговорному языку, и открывать классы русскаго языка при существующихъ татарскихъ школахъ—мектебе и медресе.

Какъ видно изъ изложеннаго, общій и существенный недочетъ этихъ правилъ касается изученія въ инородческихъ школахъ родного языка и родной грамоты; въ школахъ для христіанъ она имѣетъ значеніе только въ дѣлѣ изученія основъ православной вѣры, а въ школахъ для магометанъ, какъ орудіе для изученія русскаго языка; и въ тѣхъ, и въ другихъ школахъ роль ея чисто служебная, и самостоятельнаго значенія она не имѣетъ. Заранѣе можно было предвидѣть, что если съ такой школой и могли мириться крещеные инородцы, то инородцы-татары должны бы-

ли отнестись къ ней съ полнымъ недовѣріемъ, такъ какъ въ игнорированіи ихъ родной грамоты и устраненіи священнаго для нихъ арабскаго алфавита они видѣли попытку ослабить ихъ религіозное воспитаніе, съ которымъ тѣсно и неразрывно связано все обученіе въ ихъ начальныхъ и даже высшихъ школахъ. Если такая постановка занятій была цѣлесообразна для школъ, въ которыхъ обучаются дѣти новообращенныхъ христіанъ, съ цѣлью закрѣпить въ нихъ возможно скорѣе и полнѣе истины православной вѣры и отвлечь ихъ отъ чтенія книгъ на родномъ языкѣ, литература котораго имѣетъ исключительно мусульманско-религіозный характеръ, то она по этимъ именно причинамъ не могла удовлетворить инородцевъ - мусульманъ, родная грамота для которыхъ имѣетъ, кромѣ культурно-образовательнаго, еще большее религіозно-воспитательное значеніе.

Подобное игнорированіе роднаго языка и родной грамоты учащихся мы встрѣчаемъ и въ болѣе позднихъ законоположеніяхъ. Такъ, въ положеніи о начальныхъ училищахъ Кавказскаго округа предметами, преподаваемыми въ начальныхъ училищахъ служатъ: 1) Законъ Божій, 2) чтеніе и письмо на русскомъ языкѣ, 3) чтеніе и письмо на мѣстномъ языкѣ, которому обучаютъ законоучители и 4) счисленіе. Здѣсь заранѣе можно выразить опасеніе, что обученіе родной грамотѣ, ввѣряемое не профессіональнымъ педагогамъ, а законоучителямъ, при такой постановкѣ дѣла не получитъ желаемаго успѣха. Правда, въ этомъ дѣлѣ можно усмотрѣть нѣкоторый прогрессъ въ сравненіи съ уставомъ горскихъ школъ (1859 годъ), въ которомъ обученіе родному языку и грамотѣ было совсѣмъ исключено, но прогрессъ очень незначительный: это была лишь полумѣра къ легальному признанію правъ гражданства за родной грамотой учащихся въ инородческой школѣ, которая фактически не рѣдко и совсѣмъ утрачивала свое реальное значеніе. Недавно одинъ изъ депутатовъ Кавказа высказывалъ въ Государственной Думѣ свое недовольство и сѣтованія на то, что родной языкъ учащихся въ кавказскихъ школахъ не только игнорируется, но даже намѣренно изгоняется, такъ что имъ не хотятъ даже пользоваться и при обученіи русскому языку. Основаніе для такой жалобы, по всей вѣроятности, было въ дѣйствительности, но она была направлена совсѣмъ не въ ту сторону, въ которую слѣдовало; родной языкъ учащихся только тогда можетъ имѣть какое-либо образовательное значеніе въ начальной народной школѣ, когда будетъ твердо поставленъ, какъ самостоятельный предметъ обученія; значеніе же его, какъ орудія для обученія русскому языку, весьма небольшое, и дѣло не измѣнится отъ того, въ какой мѣрѣ будутъ имъ пользоваться учащіе при обученіи дѣтей инородцевъ русскому языку; отъ этого могутъ только измѣниться успѣхи обученія русской грамотѣ, которые, несомнѣнно, понизятся въ томъ случаѣ, когда учащіе будутъ злоупотреблять при этомъ знаніемъ роднаго языка и неумѣренно имъ пользоваться.

Послѣ Высочайшаго указа 12 декабря 1904 года, казалось-бы, слѣдовало ожидать болѣе внимательнаго отношенія къ постановкѣ роднаго языка и родной грамоты въ инородческихъ училищахъ,—въ особенности-же для тѣхъ инородцевъ, для которыхъ дѣло изученія родной грамоты тѣсно связано съ ихъ религіознымъ воспитаніемъ. Дѣйствительно, утвержденныя на основаніи Высочайшаго повелѣнія 14 января 1906 года правила о начальныхъ училищахъ для инородцевъ, живущихъ въ восточной и юго-восточной Россіи (31 марта 1906 года), ставятъ для этихъ училищъ новую цѣль—содѣйствовать ихъ нравственному и умственному развитію, вмѣстѣ съ прежней—распространять между ними знаніе русскаго языка; въ число учебныхъ предметовъ въ эти училища, согласно новымъ правиламъ, вводятся: Законъ Божій или соотвѣтствующее вѣроученіе, грамота на природномъ языкѣ учащихся, русскій языкъ, счетъ и пѣніе. Если-бы эти правила ограничи

лись лишь принципіальными указаніями относительно необходимости изученія въ инородческихъ училищахъ не только русскаго языка, но и родной грамоты учащихся, и назначенія соотвѣтствующихъ этимъ цѣлямъ учителей, достаточно знающихъ оба основные предмета обученія и способныхъ успѣшно вести преподаваніе ихъ,—то изданіе такихъ правилъ, несомнѣнно, вызвало бы лишь удовольствіе и одобреніе со стороны тѣхъ инородцевъ, которыхъ они касаются, такъ какъ эти нововведенія представляютъ несомнѣнный прогрессъ въ дѣлѣ развитія инородческаго образованія и даютъ возможность устроить его въ интересахъ инородцевъ и въ согласіи съ основными задачами общаго образованія. На самомъ-же дѣлѣ, какъ извѣстно, въ скоромъ времени отовсюду раздались такіе протесты противъ введенія въ дѣйствіе этихъ правилъ, что само министерство народнаго просвѣщенія, черезъ $1^1/_2$ года послѣ изданія этихъ правилъ, нашло необходимымъ вновь пересмотрѣть ихъ и замѣнить новыми. Въ чемъ-же причина такого неожиданнаго явленія?

Причину эту легко будетъ понять, если подробно разсмотрѣть всѣ детальныя указанія правилъ 31 марта 1906 года и вникнуть въ ихъ сущность и значеніе.

Разсмотрѣвъ дальнѣйшіе параграфы этихъ правилъ и приложенный къ нимъ учебный планъ занятій, мы увидимъ, что въ дѣйствительности грамота на природномъ языкѣ учащихся, какъ самостоятельный предметъ обученія, и здѣсь не вводится; на нее, согласно учебному плану, отводится всего по 4 часа въ недѣлю въ первые два года обученія и по два часа—въ 3 и 4 годы обученія; понятно, при такомъ незначительномъ количествѣ времени, невозможно думать о какихъ-либо успѣхахъ обученія этому предмету; затѣмъ § 13 правилъ рекомендуетъ учебныя книги для этихъ школъ и учебныя пособія печатать на инородческомъ нарѣчіи русскими буквами или въ двойной транскрипціи—русской и инородческой. Въ приложенномъ къ правиламъ 31 марта 1906 года учебномъ планѣ мы находимъ слѣдующія указанія относительно постановки преподаванія въ инородческихъ школахъ родной грамоты: «обученіе чтенію начинается на природномъ языкѣ учащихся; дѣти на своемъ нарѣчіи выучиваются читать по азбукамъ и книгамъ, напечатаннымъ русскимъ алфавитомъ, приспособленнымъ къ фонетикѣ языка племени учащихся въ училищѣ дѣтей. Матеріаломъ для чтенія должны служить книги религіозно-нравственнаго или назидательнаго и серьезнаго содержанія, отвѣчающія воспитательнымъ цѣлямъ школы. Когда дѣти вполнѣ овладѣютъ механизмомъ чтенія на природномъ нарѣчіи, они переходятъ и къ русскому языку. Но уроки инородческаго чтенія продолжаются до конца курса начальнаго училища (о числѣ уроковъ см. выше), причемъ дѣти могутъ въ назначенные для грамоты на природномъ нарѣчіи часы учиться читать и въ той транскрипціи этого нарѣчія, которая усвоена обычному литературному языку даннаго племени». Едва-ли такая фальсифицированная грамота на природномъ нарѣчіи учащихся можетъ удовлетворить даже самыя скромныя требованія инородцевъ, имѣющихъ свою письменность, въ особенности-же инородцевъ-мусульманъ, для которыхъ, въ связи съ принятымъ арабскимъ алфавитомъ, она имѣетъ прежде всего религіозное значеніе. Въ дѣйствительности эта грамота, при такой постановкѣ обученія, особенно - же когда находилась въ рукахъ учителя-иновѣрца, совсѣмъ упразднялась, такъ какъ нельзя-же, въ самомъ дѣлѣ, придавать какое-либо образовательное значеніе умѣнію читать родныя слова, изображенныя при посредствѣ искаженнаго русскаго алфавита. Такая постановка занятій, а равно и другія детальныя указанія правилъ о необходимости вести обученіе русскому

языку при посредствѣ роднаго языка и родной грамоты—низводили послѣднюю на степень второстепеннаго и служебнаго предмета, допускаемаго въ инородческой школѣ только какъ средство для обученія дѣтей русскому языку.

Это странное противорѣчіе основныхъ положеній правилъ 31 марта 1906 года съ ихъ детальными указаніями и приложеннымъ къ нимъ учебнымъ планомъ занятій легко объясняется стремленіемъ составителей этихъ правилъ создать инородческую школу по тому образцу, который былъ указанъ покойнымъ Н. И. Ильминскимъ въ созданныхъ имъ школахъ для инородцевъ христіанъ. Но при этомъ было упущено изъ вида то важное обстоятельство, что школа Ильминскаго преслѣдовала, главнымъ образомъ, миссіонерскія задачи и стремилась прежде всего къ тому, чтобы закрѣпить дѣтей новообращенныхъ христіанъ въ истинахъ православной вѣры, при помощи ихъ роднаго языка, тогда какъ школа для инородцевъ-нехристіанъ должна преслѣдовать исключительно культурно-просвѣтительныя задачи. Первыя и основныя положенія правилъ 31 марта 1906 года въ дѣйствительности шли навстрѣчу послѣднимъ цѣлямъ и послѣ Высочайшаго указа 1904 года болѣе ясно и категорически указывали необходимость введенія въ курсъ начальной инородческой школы изученія роднаго языка и грамоты на природномъ нарѣчіи учащихся; но въ дальнѣйшихъ указаніяхъ правилъ и приложенномъ къ нимъ учебномъ планѣ они совершенно стушевывались и поглощались стремленіемъ точно скопировать образецъ новой школы съ той, которая была создана покойнымъ Ильминскимъ для инородцевъ христіанъ; туземной грамотѣ отводится лишь служебная роль—какъ средства для перехода къ обученію русскому языку; на нее удѣляется слишкомъ недостаточное число уроковъ; принятая для каждаго нарѣчія транскрипція или совсѣмъ устраняется изъ школъ, или только терпится въ нихъ; туземная грамота отдѣляется отъ тѣсно связанныхъ съ нею уроковъ вѣроученія и поручается тѣмъ-же учителямъ, которые должны преподавать русскую грамоту и т. д. Замѣчательно и то обстоятельство, что это стремленіе скопировать по возможности точнѣе школу Ильминскаго весьма невыгодно отразилось въ правилахъ 1906 года и на постановкѣ обученія русскому языку; правила невольно задерживаютъ успѣшный ходъ обученія и этому предмету, ставя въ обязательство вести преподаваніе его въ первые два года обученія на природномъ языкѣ учащихся (§ 11) и рекомендуя обучать дѣтей русской азбукѣ только послѣ того, такъ они изучатъ искаженный русскій алфавитъ и научатся читать транскрибированныя при посредствѣ его слова роднаго языка (§ 13—14 учебн. пл.); неудивительно, что при такой постановкѣ занятій не достигалась въ достаточной мѣрѣ ни одна изъ основныхъ задачъ обученія въ инородческой школѣ; дѣти не могли достаточно изучить родную грамоту и при помощи ея получить какое-либо развитіе, такъ какъ для этого было отведено недостаточно времени, не было соотвѣтствующихъ учителей, успѣшность занятій тормозилась введеніемъ чуждой этимъ нарѣчіямъ транскрипціи и изученіе русскаго языка замедлялось совершенно излишними и неполезными требованіями вести его непремѣнно въ связи и при посредствѣ родной грамоты и сокращать правильныя занятія этимъ предметомъ до двухъ лѣтъ.

Такое смѣшеніе основныхъ задачъ и цѣлей инородческаго образованія, допущенное составителями правилъ 1906 года, вызвало большой диссонансъ во взглядахъ на нихъ даже со стороны людей безпристрастныхъ и объективно смотрящихъ на задачи инородческаго образованія, придающихъ имъ исключительно только культурно-образовательное значеніе и отнюдь не допускающихъ здѣсь какихъ-либо посторонннихъ политическихъ или узко-религіозныхъ цѣлей. Люди, про

грессивно настроенные, но не близко стоящіе къ дѣлу начальнаго образованія, усматриваютъ въ этихъ правилахъ только одно близкое ихъ сердцу положеніе —что начальное обученіе должно начинаться на материнскомъ языкѣ учащихся, а потому обученіе русскому языку въ инородческихъ школахъ должно быть отнесено на послѣдніе годы занятій въ ней. Не оспаривая по существу того положенія, что дѣти должны, дѣйствительно, изучать свой родной языкъ, можно поставить здѣсь такіе вопросы: когда-же именно возможно допускать обученіе ихъ чужому языку, если онъ необходимъ для ихъ жизни? Возможно-ли приступать къ изученію новаго языка послѣ того, какъ они достаточно усвоятъ свой родной языкъ и будутъ свободно владѣть имъ? Если такія занятія считаются допустимыми въ десятилѣтнемъ возрастѣ, то почему они представляются совершенно невозможными въ восьмилѣтнемъ возрастѣ, если дѣти къ этому времени вполнѣ овладѣваютъ своимъ роднымъ разговорнымъ языкомъ и могутъ совершенствовать эти знанія дальнѣйшей практикой и своими школьными занятіями? Ребенокъ съ дѣтства говоритъ на своемъ родномъ языкѣ, въ школѣ продолжаетъ изучать его и говорить на немъ,—въ этомъ выражается полное вниманіе къ такому необходимому предмету начальнаго образованія; но вмѣстѣ съ тѣмъ въ школѣ начинаютъ учить его закону вѣры и счисленію, почему-же нельзя учить его также и русскому языку, если возможно полное знаніе его необходимо для его-же пользы? Въ дѣйствительности мы нерѣдко встрѣчаемъ, что дѣти даже болѣе ранняго возраста въ своей домашней обстановкѣ вмѣстѣ съ своимъ роднымъ языкомъ изучаютъ также и необходимые для нихъ иностранные языки,—почему-же нельзя допустить такихъ занятій и въ школьной практикѣ? Поэтому нужно прежде всего точно и опредѣленно рѣшить вопросъ, необходимо-ли ученику-инородцу изучить въ начальной школѣ и русскій языкъ на столько, чтобы при помощи его обезпечить себѣ дальнѣйшее образованіе въ русской школѣ и возможность занять соотвѣтствующее положеніе среди русскихъ гражданъ? И если этотъ вопросъ рѣшается въ положительномъ смыслѣ, то нужно отвести для этого предмета достаточно времени и организовать изученіе его при помощи наилучшихъ средствъ. Что двухъ лѣтъ для изученія живого русскаго языка и русской грамоты для инородцевъ, совершенно незнающихъ его, недостаточно,—это знаетъ всякій, кто сколько нибудь знакомъ съ дѣломъ начальнаго школьнаго обученія: если даже эти два года всецѣло будутъ посвящены изученію только одного этого предмета, то и тогда невозможно достигнуть достаточнаго усвоенія его и даже получить тѣ знанія, которыхъ возможно достигнуть въ четыре года при меньшей общей затратѣ времени. Поэтому желательно начинать въ инородческой школѣ обученіе русскому языку возможно ранѣе, лучше всего съ самаго поступленія дѣтей въ школу, чтобы достигнуть къ концу обученія какихъ-либо полезныхъ результатовъ.

Что такая постановка возможна и не противорѣчитъ педагогическимъ принципамъ, это можно видѣть какъ изъ указанныхъ выше примѣровъ обученія малолѣтнихъ дѣтей иностраннымъ языкамъ въ домашней обстановкѣ ихъ жизни, такъ и изъ опыта туркестанскихъ русско туземныхъ школъ, въ которыхъ дѣти инородцевъ, при поступленіи въ школы совершенно незнающія русскаго языка, успѣшно обучаются ему съ самаго начала ихъ поступленія въ школы и по истеченіи четырехъ лѣтъ занятій безъ особаго напряженія умственныхъ силъ достигаютъ вполнѣ удовлетворительныхъ познаній въ этомъ предметѣ. Съ точки зрѣнія педагогической важнѣе не тотъ вопросъ, чему учить, но какъ учить. Если примѣнять здѣсь стародавній тяжелый и мучительно скучный грамматически-переводный методъ обученія, то, конечно, дѣти будутъ испытывать толь-

ко мученія отъ этихъ занятій и почувствуютъ отвращеніе къ нимъ, и едва-ли такимъ путемъ возможно будетъ достигнуть съ ними какихъ-либо прочныхъ успѣховъ и практически полезныхъ знаній. Если составители правилъ 1906 года имѣли въ виду именно этотъ способъ обученія живому русскому языку, то они поступили правильно, отнеся интенсивныя занятія по этому предмету на третій и четвертый годы обученія; въ педагогическихъ интересахъ слѣдовало-бы даже совсѣмъ устранить такія занятія изъ области начальной школы. Но примѣняйте здѣсь принципы того же наглядно-разговорнаго метода, при помощи котораго дѣти научаются родному языку, и тѣ пріемы, при помощи которыхъ нерѣдко дѣти малыхъ лѣтъ научаются въ своихъ семьяхъ говорить на иностранныхъ языкахъ,—тогда вы не замѣтите ни непосильности такихъ занятій для дѣтей, ни скуки и утомленія отъ нихъ, и успѣхи обученія, въ смыслѣ изученія живого языка, будутъ, несомнѣнно, выше, чѣмъ при пользованіи шаблоннымъ переводнымъ методомъ. Объ обученіи русской грамотѣ, чтенію и письму по русски также нѣтъ надобности особенно безпокоиться, такъ какъ обученіе это при нормальныхъ условіяхъ, когда занятія не осложнены предварительнымъ усвоеніемъ искаженнаго русскаго алфавита, примѣненнаго къ инородческимъ нарѣчіямъ, успѣшно заканчиваются въ теченіе 2—3 мѣсяцевъ. Можно здѣсь поставить лишь одно требованіе,—чтобы учащіе знали природный языкъ учащихся на столько, чтобы могли свободно объясняться съ ними и прибѣгать къ помощи его въ необходимыхъ случаяхъ, но и только; всякія другія требованія—относительно необходимости вести обученіе въ первые два года только на родномъ языкѣ учащихся, пользованія при этихъ занятіяхъ исключительно переводнымъ методомъ, предварительнаго изученія измѣненной русской транскрипціи въ примѣненіи къ родному языку учащихся и т. д.—все это не только излишнія требованія, но и крайне вредныя для дѣла, такъ какъ выполненіе ихъ, ничуть не содѣйствуя дѣлу изученія родной грамоты, только тормозитъ усвоеніе учащимися русскаго языка.

Какъ показала довольно продолжительная практика туркестанскихъ русско-туземныхъ школъ, обѣ основныя задачи обученія въ мусульманскихъ инородческихъ школахъ могутъ достигаться при слѣдующихъ условіяхъ: 1) если обученіе русскому языку и русской грамотѣ будетъ поставлено совершенно самостоятельно и независимо отъ преподаванія родной грамоты, будетъ вестись съ самаго начала поступленія дѣтей въ школы и будетъ поручено достаточно подготовленнымъ для этихъ занятій учителямъ и 2) если родной языкъ и родная грамота учащихся будутъ соединены съ уроками вѣроученія и переданы особымъ, достаточно подготовленнымъ для этихъ занятій, учителямъ. При такихъ условіяхъ въ теченіе четырехъ лѣтъ занятій оказывается возможнымъ не только научить дѣтей инородцевъ живому русскому языку, чтенію и письму по-русски, но и пройти съ ними довольно значительный матеріалъ по общеобразовательному чтенію, ознакомить ихъ съ окружающей природой, бытомъ и нравами людей и животныхъ, сообщить имъ начальныя свѣдѣнія изъ русской географіи и исторіи и при посредствѣ этого языка пройти весь курсъ начальной ариѳметики. Въ то-же время на урокахъ родного языка и вѣроученія, на которые удѣляется около половины всего класснаго времени, является возможность научить дѣтей родной грамотѣ и основамъ вѣроученія въ тѣхъ предѣлахъ, которые установлены долголѣтней практикой начальныхъ туземныхъ училищъ.

Отрицательныя свойства правилъ 1906 года не ограничиваются изложенными недостатками ихъ. Конецъ этихъ правилъ (§§ 33—36) касается регламентаціи частныхъ вѣроисповѣдныхъ инородческихъ училищъ и устанавливаетъ для нихъ

такія требованія, которымъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Имперіи не можетъ удовлетворить ни одно изъ нихъ; таковы, напримѣръ, требованія общеобразовательнаго ценза отъ завѣдующихъ этими училищами (§ 33), требованіе отъ нихъ достаточнаго матеріальнаго обезпеченія и содержанія классовъ русскаго языка (§ 36). Если строго и точно примѣнять эти требованія ко всѣмъ мусульманскимъ вѣроисповѣднымъ училищамъ, то въ Туркестанскомъ краѣ ни одно мадраса и ни одинъ мактабъ не удовлетворили-бы имъ и ихъ пришлось бы закрыть, не давъ въ замѣнъ ихъ другихъ училищъ, такъ какъ для организаціи ихъ не нашлось-бы ни достаточныхъ средствъ, ни учебнаго персонала, не говоря уже о томъ, что проектированныя этими правилами инородческія училища далеко не соотвѣтствуютъ тѣмъ взглядамъ населенія, которые установились у него вѣковыми традиціями и религіозными потребностями.

Очевидно, въ виду указанныхъ недостатковъ и стѣсненій, правила 1906 года не могли не вызвать многочисленныхъ возраженій и протестовъ противъ примѣненія ихъ. Въ основѣ такихъ заявленій было высказано, во-первыхъ желаніе сохранить въ новой инородческой школѣ уроки родной грамоты въ томъ видѣ, въ какомъ она существуетъ въ мѣстныхъ мусульманскихъ начальныхъ училищахъ, и при томъ въ связи съ мусульманскимъ вѣроученіемъ; относительно русскаго языка выражено было желаніе поставить занятія по этому предмету независимо отъ уроковъ родной грамоты и поднять успѣхи обученія по этому предмету на такую высоту, чтобы они совмѣщали въ себѣ курсъ русской начальной школы. Въ то-же время представлены были заявленія объ отмѣнѣ русской транскрипціи при обученіи родной грамотѣ и тѣхъ требованій, которыя были установлены правилами относительно мусульманскихъ вѣроисповѣдныхъ училищъ.

Вслѣдствіе такихъ обстоятельствъ уже въ 1907 году эти правила были пересмотрѣны въ особой комиссіи при министерствѣ народнаго просвѣщенія и взамѣнъ ихъ были изданы новыя правила, основанныя на Высочайшемъ повелѣніи отъ 27 октября 1907 года и утвержденныя г. министромъ народнаго просвѣщенія 1 ноября 1907 года.

Существенное отличіе новыхъ правилъ отъ изданныхъ въ 1906 году заключается въ томъ, что въ нихъ встрѣчается значительно менѣе такихъ требованій, которыя могли бы затруднить правильную организацію дѣла инородческаго образованія, которая, очевидно, не можетъ быть одинакова для всѣхъ мѣстъ Россійской Имперіи и населяющихъ ее народностей. Въ этомъ отношеніи особаго вниманія заслуживаютъ слѣдующія основныя указанія новыхъ правилъ: «начальныя училища для инородцевъ разрѣшается учреждать какъ на общихъ основаніяхъ, установленныхъ для начальныхъ училищъ Имперіи, и особыхъ узаконеніяхъ, для отдѣльныхъ мѣстъ изданныхъ, такъ и съ примѣненіемъ вновь составленныхъ правилъ». Уже эта одна статья допускаетъ широкую свободу при организаціи инородческихъ училищъ въ различныхъ мѣстностяхъ Имперіи и позволяетъ примѣняться при этомъ къ мѣстнымъ условіямъ жизни и быта населенія.

Рекомендуемыя далѣе правила также заключаютъ въ себѣ сравнительно съ правилами 1906 года лишь незначительное количество такихъ положеній, которыя не оправдываются потребностями дѣла и могутъ быть признаны и излишними, и неполезными для него. Правила эти, какъ и правила 1906 года, указываютъ для инородческаго образованія двѣ цѣли: съ одной стороны, содѣйствовать нравственному и умственному развитію инородцевъ, а, съ другой распространять между ними знанія русскаго языка. Орудіемъ первоначальнаго обученія и здѣсь указывается родной языкъ учащихся, которымъ должны владѣть учащіе въ этихъ школахъ. Но дальнѣй

шія детальныя указанія и требованія правилъ 1906 года здѣсь исключены: такъ, исключено требованіе русской транскрипціи при обученіи родной грамотѣ (§ 13 правилъ 1906 года); отсутствуютъ также требованіе вести обученіе русскому языку и русской грамотѣ не иначе, какъ при помощи и черезъ посредство родной грамоты, и всѣ тѣ стѣснительныя указанія, которыя были изложены въ приложенномъ къ правиламъ 1906 года учебномъ планѣ; опущены также и тѣ требованія, которыя предъявлялись правилами 1906 года въ отношеніи къ частнымъ вѣроисповѣднымъ туземнымъ училищамъ (§§ 33—36 правилъ 1906 года). Составленіе подробныхъ программъ всѣхъ предметовъ преподаванія новыми правилами предоставлено управленіямъ учебныхъ округовъ и къ правиламъ лишь приложена примѣрная таблица уроковъ въ этихъ училищахъ, согласно которой въ одноклассныхъ училищахъ на родной языкъ учащихся отведено по 6 часовъ еженедѣльно (по правиламъ 1906 года было назначено въ первые два года по 4 часа, а въ послѣдніе два—по два часа), а во второмъ классѣ 2 класснаго по 4 часа (по правиламъ 1906 года по 2 часа.)

Такимъ образомъ, новыя правила даютъ неизмѣримо большій просторъ въ дѣлѣ организаціи обученія въ инородческихъ училищахъ и позволяютъ сообразоваться въ ихъ устройствѣ съ мѣстными условіями жизни инородческаго населенія различныхъ мѣстъ Россіи, и успѣхъ или неуспѣхъ этого дѣла будетъ зависѣть болѣе всего отъ мѣстныхъ окружныхъ начальствъ, которымъ предоставлена выработка подробныхъ программъ всѣхъ предметовъ обученія въ этихъ школахъ и детальная организація ихъ.

Только немногіе параграфы новыхъ правилъ не вполнѣ гармонируютъ съ общимъ направленіемъ ихъ и касаются не принципіальной стороны дѣла, а частностей его устройства. Таковы §§ 5, 6 и 7, касающіеся деталей учебнаго плана занятій въ инородческихъ школахъ и программъ обученія; они являются диссонансомъ въ ряду другихъ параграфовъ этихъ правилъ, устанавливающихъ лишь общія положенія для инородческихъ школъ, и, кромѣ того, не вполнѣ согласуются съ § 9 правилъ, согласно которому выработка программъ преподаванія предоставляется мѣстнымъ окружнымъ начальствамъ. При существованіи §§ 1 и 9 эти параграфы являются совершенно излишними, въ допущеніи ихъ слышатся какъ бы отзвуки только что отмѣненныхъ правилъ 1906 года и повторяется та же ошибка, которая такъ быстро привела къ кассированію предшествующихъ правилъ. Подробная регламентація въ общемъ законѣ всѣхъ частностей устройства инородческихъ училищъ и детальная разработка одного общаго учебнаго плана занятій въ нихъ едва-ли цѣлесообразны, такъ какъ только будутъ стѣснять непосредственныхъ руководителей дѣла и не позволятъ имъ достаточно примѣняться къ мѣстнымъ обстоятельствамъ. Постоянное вниманіе и наблюденія этихъ лицъ за постановкой и развитіемъ дѣла на практикѣ указали-бы имъ наилучшіе способы его организаціи и веденія и заранѣе вливать его въ опредѣленныя и узкія формы, для измѣненія которыхъ потребовался бы новый пересмотръ правилъ, едва-ли были достаточныя основанія. И по существу дѣла эти параграфы едва ли выдерживаютъ критику; § 5 требуетъ, чтобы въ первые два года обученія въ училищахъ для инородцевъ языкомъ для преподаванія служилъ родной языкъ дѣтей, а въ послѣдніе два года русскій языкъ; является непонятнымъ, какъ это устроить, чтобы дѣти, слушая въ теченіе двухъ лѣтъ уроки на родномъ языкѣ, сразу потомъ начинали понимать ихъ на русскомъ; одного приказанія для этого, очевидно, недостаточно, и нужно подготовить ихъ къ такому пониманію; а для этого зачѣмъ же искусственно устранять пользованіе въ предѣлахъ возможнаго и русскимъ языкомъ при обученіи въ те

ченіе первыхъ двухъ лѣтъ занятій; опытъ показываетъ, что въ это время возможно съ ними не только прочесть значительный матеріалъ по русской грамотѣ, почти не прибѣгая къ помощи роднаго языка, но и основательно изучить числа первой сотни и рѣшить при этомъ значительное количество ариѳметическихъ задачъ, также не прибѣгая къ помощи роднаго языка, въ которомъ часто не имѣется даже соотвѣтствующихъ этимъ занятіямъ терминовъ и выраженій. Если же вести занятія согласно указаніямъ этого параграфа, то дѣти и къ третьему году обученія не будутъ понимать русскаго языка настолько, чтобы возможно было на немъ вести дальнѣйшее обученіе ихъ. § 6 новыхъ правилъ, хотя не выражаетъ опредѣленныхъ требованій, но косвенно какъ бы допускаетъ возможность отсутствія уроковъ русскаго языка въ первое полугодіе перваго года обученія и отсутствіе русской грамоты въ теченіе всего перваго учебнаго года; въ какихъ соображеніяхъ допущено такое отступленіе отъ нормальнаго хода занятій,—непонятно, и неизвѣстно, чѣмъ-же будетъ заполняться назначенное для уроковъ русскаго языка время въ теченіе перваго года обученія. Указанія § 7 также слѣдуетъ признать совершенно излишними, въ особенности для мусульманскихъ школъ, въ которыхъ пѣніе почитается лишь праздной забавой, а не предметомъ обученія.

Эти три параграфа новыхъ правилъ, хотя и не имѣютъ важнаго и существеннаго значенія въ дѣлѣ организаціи занятій въ инородческой школѣ, такъ какъ касаются лишь частностей ея устройства, но не принесутъ и пользы для дѣла, а при строгомъ и точномъ выполненіи ихъ могутъ даже повредить успѣхамъ занятій, а потому желательно было - бы совсѣмъ исключить ихъ изъ новыхъ правилъ, съ общимъ направленіемъ которыхъ они совсѣмъ не согласуются.

Кромѣ того, въ этихъ правилахъ было бы въ высшей степени желательно допустить одно послабленіе, практически весьма необходимое въ условіяхъ жизни многихъ инородцевъ-мусульманъ, — относительно образовательнаго ценза лицъ, которымъ поручается преподаваніе роднаго языка и родной грамоты; какъ для преподаванія соотвѣтствующаго вѣроученія, и здѣсь достаточно было-бы ограничиться болѣе общимъ требованіемъ—чтобы преподаватели этого предмета имѣли соотвѣтствующую подготовку для успѣшнаго веденія обученія. При такомъ допущеніи весьма легко было бы, для пользы дѣла, соединять уроки родной грамоты съ уроками вѣроученія и поручать ихъ одному и тому-же лицу, что вполнѣ соотвѣтствовало-бы традиціямъ мусульманскихъ школъ, въ которыхъ преподаваніе родной грамоты тѣсно связано съ мусульманскимъ вѣроученіемъ. При такихъ условіяхъ и окружное учебное начальство не было бы поставлено въ затруднительное положеніе безплоднымъ отыскиваніемъ такихъ учителей, которые одинаково успѣшно могли бы вести обученіе въ инородческихъ школахъ какъ русской, такъ и туземной грамотѣ, и удовлетворять въ отношеніи послѣдней требованія самаго населенія. Въ дѣйствительности такихъ лицъ изъ среды инородцевъ еще очень мало: при этомъ населеніе весьма неохотно согласится поручить эти занятія не только учителю—иновѣрцу, но даже молодому и недостаточно солидному мусульманину, и всегда предпочтетъ имъ болѣе извѣстное и солидное лицо изъ своей среды, хотя бы оно и не имѣло требуемаго правилами образовательнаго ценза и учительскаго званія. Если отсутствіе въ кодексѣ законоположеній по вѣдомству министра народнаго просвѣщенія особаго положенія о школахъ грамоты, съ соотвѣтствующими послабленіями въ требованіяхъ къ нимъ, сильно тормозитъ распространеніе начальнаго образованія и даетъ въ этомъ отношеніи неоспоримыя преимущества духовному вѣдомству, располагающему такими

школами, то отсутствіе такихъ школъ и соотвѣтствующаго имъ положенія, съ меньшими формальными требованіями еще тяжелѣе должно отразиться на распространеніи инородческихъ школъ, для устройства которыхъ не имѣется ни достаточныхъ средствъ, ни полноправнаго учебнаго персонала.

Совершенно особую организацію получали такъ называемыя русско туземныя школы въ Туркестанскомъ краѣ, основанныя на Высочайшемъ указѣ 20 іюня 1886 года, согласно которому разрѣшено Туркестанскому Генералъ - Губернатору открывать среди осѣдлаго и кочевого населенія края начальныя школы для дѣтей туземцевъ, при условіи полнаго матеріальнаго обезпеченія русскаго учителя, измѣнять росписаніе ихъ содержанія и опредѣлять учителя изъ туземцевъ или оставлять школу безъ такого учителя. Вызванныя къ жизни мѣстными потребностями населенія и не стѣсненныя какими - либо подробными правилами для своей организаціи, онѣ получили самобытное и оригинальное практическое устройство. Въ изданныхъ по поводу открытія этихъ школъ циркулярахъ Генералъ-Губернаторъ указываетъ, что при посредствѣ этихъ школъ предполагается «поставить общество туземцевъ въ наиболѣе выгодныя условія для развитія его естественныхъ способностей, предоставить средства и всѣ необходимыя и полезныя орудія прогресса для его нравственнаго и матеріальнаго роста», съ цѣлью содѣйствовать прочному и окончательному сліянію туземныхъ народностей съ великой семьей кореннаго русскаго народа. «Въ видахъ близкаго приноровленія открываемыхъ школъ къ мѣстнымъ требованіямъ и бытовымъ условіямъ среды, для которой онѣ предназначаются, предположено, по отношенію учебной программы, ограничить преподаваніе сообщеніемъ основныхъ началъ русской грамотности, т. е. пріученіемъ къ правильному чтенію, письму и счету въ предѣлахъ, строго необходимыхъ для элементарныхъ потребностей инородческаго быта, а, главное,—направить усилія къ возможно болѣе совершенному усвоенію туземцами русской рѣчи и наиболь шаго навыка въ употребленіи обыденнаго русскаго разговорнаго языка». Вмѣстѣ съ тѣмъ «вводимая въ открываемыхъ школахъ система образованія не имѣетъ въ виду лишить ихъ религіознаго характера и не устраняетъ туземцевъ отъ усвоенія ими религіозныхъ возврѣній и родной грамоты».

Организованныя, на основаніи высказанныхъ Генералъ-Губернаторомъ взглядовъ, туркестанскія русско туземныя школы были открыты каждая въ составѣ двухъ самостоятельныхъ классовъ—русскаго и туземнаго. Для каждаго класса были назначаемы особые учители: для русскаго—имѣющіе учительскія званія и знающіе соотвѣтствующее туземное нарѣчіе, а для туземнаго—лица, знающія туземную грамоту и основы мусульманскаго вѣроученія, безъ требованія отъ нихъ надлежащаго образовательнаго цензва и свидѣтельствъ на учительскія званія. Въ русскомъ классѣ преподаваніе велось соотвѣтственно указаннымъ выше задачамъ и выработаннымъ согласно съ ними программамъ, а въ туземномъ—соотвѣтственно установившимся привычкамъ и взглядамъ населенія на задачи своей школы.

Организованныя, такимъ образомъ, туркестанскія русско-туземныя школы никогда не вызывали къ себѣ такого недовѣрія и опасеній со стороны мѣстнаго населенія, какія наблюдались въ другихъ инородческихъ школахъ; и послѣ изданія правилъ 1906 года всѣ заявленія мѣстныхъ инородцевъ выражали лишь просьбы сохранить установившійся здѣсь типъ русско туземныхъ школъ и не примѣнять къ нимъ этихъ правилъ. Правда, въ первые годы по ихъ откры

тіи эти школы имѣли немало недостатковъ. Самымъ существеннымъ изъ нихъ былъ тотъ, что важнѣйшая задача обученія—изученіе живого разговорнаго русскаго языка—почти не достигалась или достигалась въ очень недостаточныхъ размѣрахъ, что, конечно, роняло ихъ въ глазахъ населенія и препятствовало ихъ развитію и распространенію. Причиной такого неуспѣха служили введенные въ этихъ школахъ, въ первые годы ихъ существованія, пріемы обученія русскому языку при посредствѣ роднаго языка учащихся, по такъ называемому переводному методу занятій. Въ этомъ отношеніи первая инструкція для русско туземныхъ школъ и приложенныя къ ней руководящія указанія для учителей русскаго языка были заимствованы цѣликомъ изъ школъ, устроенныхъ по системѣ Ильминскаго, и результаты примѣненія ихъ оказались въ дѣлѣ изученія живого русскаго языка весьма незначительными. Когда, по прошествіи 10 лѣтъ, эти пріемы обученія были замѣнены другими, основанными на наглядномъ методѣ преподаванія живыхъ языковъ, дѣло быстро улучшилось и обученіе русскому языку въ этихъ школахъ стало на должную высоту.

Такимъ образомъ русско-туземныя училища Туркестанскаго края, представляющія изъ себя какъ-бы симбіозъ мактаба и русской начальной школы, поставлены, несомнѣнно, болѣе практично въ цѣляхъ достиженія обѣихъ важнѣйшихъ задачъ обученія въ инородческой школѣ. Родная грамота и основы мусульманскаго вѣроученія, выдѣленныя въ совершенно особый предметъ преподаванія и поручаемыя особымъ учителямъ мусульманамъ, преподаются въ тѣсной связи одна съ другимъ, соотвѣтственно тѣмъ требованіямъ, которыя установились къ этому дѣлу среди мѣстнаго населенія. Содѣйствіе и помощь учебнаго начальства выражаются здѣсь только въ выборѣ и назначеніи болѣе достойныхъ учителей этихъ предметовъ и въ указаніяхъ имъ лучшихъ и скорѣйшихъ пріемовъ начальнаго обученія грамотѣ. Въ то же время въ русскихъ классахъ подъ руководствомъ опытныхъ и знающихъ учителей дѣти съ самаго начала поступленія въ школы обучаются русскому языку и счисленію и въ теченіе четырехъ лѣтъ занятій проходятъ приблизительно ту программу обученія, которая установлена для русскихъ начальныхъ училищъ. Правда, культурно-образовательное значеніе дѣла обученія родной грамотѣ было-бы выше, если-бы организовать преподаваніе ея въ большемъ соотвѣтствіи съ педагогическими требованіями и поручить его болѣе образованнымъ учителямъ; но, во 1 само населеніе довольствуется современной постановкой этого дѣла и вовсе не желаетъ какой-либо реформы его, а во 2 такая реформа въ настоящее время совершенно невозможна и по причинѣ отсутствія подготовленныхъ для этой цѣли учителей. Кромѣ того здѣсь возникаетъ весьма важный принципіальный вопросъ, можетъ-ли русское правительство взять на себя обязанность искусственно развивать и совершенствовать всѣ нарѣчія населяющихъ Россію инородческихъ племенъ, составлять для нихъ буквари и учебники, вводить въ нихъ новые научные и литературные термины, разработывать грамматическій строй этихъ нарѣчій и создавать ихъ литературу? Едва-ли такую задачу можно признать государственной и едва ли она была бы по силамъ какимъ бы то ни было учителямъ и педагогамъ.

Съ другой стороны, ведочеты культурнаго развитія и знаній при указанной постановкѣ обученія родной грамотѣ вполнѣ вознаграждаются занятіями учащихся въ русскомъ классѣ при правильной организаціи ихъ: здѣсь въ теченіе четырехъ лѣтъ обученія они не только научаются понимать обыденную русскую рѣчь, но и прочитываютъ и усваиваютъ довольно значительный общеобразовательный матеріалъ, знакомятся съ окружаю-

щей ихъ природой, частными и общественными условіями жизни людей, получаютъ основныя понятія изъ области міровѣдѣнія, географіи и исторіи и проходятъ начальный курсъ арифметики, и въ общемъ получаютъ тѣ же знанія и развитіе, какое дается дѣтямъ въ русскихъ начальныхъ училищахъ.

Посѣтившіе въ недавнее время Ташкентскія русско туземныя училища урожденцы польскаго края, ознакомившись съ постановкой въ нихъ дѣла обученія, высказали ту мысль, что если-бы подобная организація была допущена въ польскихъ начальныхъ училищахъ, то въ отношеніи ихъ никогда не возникло бы то недовольство и недовѣріе, которыя господствуютъ среди населенія Польши къ правительственнымъ начальнымъ училищамъ до сего времени. Можно думать, что такое заключеніе—не пустая фраза: если, дѣйствительно, инородческое населеніе сознаетъ потребность и необходимость, кромѣ изученія роднаго языка, то каждая инородческая школа должна удовлетворять этимъ основнымъ потребностямъ инородческаго образованія. При томъ смѣшеніе этихъ двухъ цѣлей и совмѣщеніе въ рукахъ однихъ и тѣхъ же учителей, за весьма рѣдкими исключеніями, всегда поведутъ къ ослабленію той или другой задачи обученія: учитель-инородецъ, естественно, будетъ переносить центръ тяжести обученія на родной языкъ и родную грамоту, и обученіе русскому языку отойдетъ у него на второй планъ и не дастъ хорошихъ результатовъ,—что конечно, вызоветъ недовѣріе къ такой школѣ и учителю со стороны русской администраціи; и наоборотъ, русскій учитель, хотя бы и знающій природный языкъ учащихся, будетъ игнорировать дѣло обученія родной грамотѣ и сосредоточитъ все свое вниманіе на обученіи дѣтей русскому языку и русской грамотѣ, чѣмъ вызоветъ понятное недовольство со стороны родителей учащихся и недовѣріе ихъ къ такой школѣ; въ устройствѣ и поддержкѣ ея со стороны русскаго правительства оно будетъ усматривать не естественныя заботы о распространеніи просвѣщенія, но попытки къ обезличенію инородческаго населенія, къ русификаціи его.

Если въ настоящее время признается возможнымъ допускать свободное исповѣданіе каждымъ племенемъ своей религіи и не возбраняется устраивать не только частныя, но и общественныя молитвенныя собранія для каждаго изъ нихъ, то тѣмъ менѣе основаній стѣснять инородцевъ въ дѣлѣ устройства своей начальной школы по тѣмъ шаблонамъ, къ которымъ они издавна привыкли и съ которыми нерѣдко связываютъ не только общественное образованіе своихъ дѣтей, но и ихъ религіозное воспитаніе. Конечно, это дѣло не можетъ быть оставлено безъ должнаго наблюденія со стороны агентовъ правительственной власти, которые не должны допускать здѣсь пропаганды какихъ - либо развращающихъ дѣтей понятій и идей; но для насильственной ломки и реформы этого дѣла въ какихъ - бы то ни было цѣляхъ нѣтъ достаточныхъ основаній. Правительственная власть должна только оказать вмѣстѣ съ тѣмъ помощь населенію въ дѣлѣ правильной и успѣшной организаціи обученія дѣтей инородцевъ русскому языку, какъ языку высшей культуры и гражданственности, и не пожалѣть ни средствъ, ни заботъ для распространенія этихъ знаній повсюду, гдѣ въ нихъ назрѣла потребность и сознается самимъ населеніемъ. Этимъ и должна ограничиться забота со стороны правительства относительно дѣла инородческаго образованія. Всякія же давленія и насилія поведутъ лишь къ замедленію естественнаго хода развитія его, въ ущербъ самому населенію и русской государственной идеи; исторія учитъ, что всякія національныя и религіозныя особенности тѣмъ крѣпче и дольше сохраняются, чѣмъ больше они встрѣчаютъ противодѣйствія со сто

роны. Опасаться же за то, что при большей свободѣ инородческія племена инарѣчія развьются въ ущербъ русской національности и русскому языку—значитъ выражать оскорбительное недовѣріе къ силѣ и могуществу русскаго народа, а также къ величію и богатству русскаго языка. Конечно, если усиленныя заботы правительства о просвѣщеніи инородцевъ проявятся въ ущербъ распространенію образованія среди коренного русскаго населенія и послѣднее будетъ оставлено на долгое время въ томъ-же состояніи мрака и невѣжества, въ какомъ находится значительная часть его до сего времени, то такія опасенія были бы вполнѣ основательны. Но вѣдь въ дѣйствительности на образованіе русскаго населенія обращено теперь особое вниманіе и принимаются всѣ мѣры къ тому, чтобы возможно скорѣе поднять его на должную высоту, и результаты такихъ стремленій, несомнѣнно, скажутся въ очень скоромъ времени. Тогда, при громадномъ численномъ превосходствѣ русскаго племени и его высшей культурѣ, при господствѣ и распространеніи по всей Имперіи богатаго и мощнаго русскаго языка, какія могутъ быть сомнѣнія въ окончательномъ исходѣ вѣковой и даже тысячелѣтней борьбы за господство той или другой народности въ русскомъ государствѣ; инородческіе-ли ручьи сольются въ русскомъ морѣ, оно-ль изсякнетъ — развѣ въ этомъ можетъ быть какой-либо вопросъ или сомнѣніе?

С. Граменицкій.